

Книги Сергея Малицкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**КОМПРЕССИЯ
ВАКАНСИЯ**

Цикл
«АРБАН САЕШ»

**МИССИЯ ДЛЯ ЧУЖЕЗЕМЦА
ОТСЧЕТ ТЕНЕЙ
КАМЕШЕК В ЖЕРНОВАХ**

Цикл
«КОДЕКС ПРЕДСМЕРТИЯ»

**МУРАВЬИНЫЙ МЕД
ОПРАВА ДЛЯ БЕЗДНЫ
ПЕЧАТЬ ЛЬДА
ЗАБАВНИК**

Дилогия
«НИЧЕГО ЛИЧНОГО»

**КАРАНТИН
БЛОКАДА**

Цикл
«ПЕПЕЛ БОГОВ»

**ПАГУБА
ЮДОЛЬ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

ЮДОЛЬ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 776

Художник
В. Бондарь

Малицкий С. В.
М19 Юдоль: Фантастический роман.— М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 536 с.: ил. — (Фантастический
боевик).

ISBN 978-5-9922-1210-5

Большая беда откатила и пришла маленькая. Затянула мглою усталости все. Горе стало обыденным, смерть — привычной. Выход за крепостные стены сравнялся с подвигом, разбой — с ремеслом. Но молодой воин, прозванный Весельчаком, не считал себя героем и не признавал разбойного ремесла. Он отправился в дальний путь из-за того любопытства, которое сродни неутолимой жажде...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1210-5
© Малицкий С. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Над мокрым от дождя городом кружила птица. Она то парила в вышине, превращаясь в едва различимую отметину на темных, налитых тяжестью тучах, то спускалась к крышам домов. Несколько раз с крепостной стены фыркал лук, но стрелы, пронзая стремительный силуэт, не причиняли птице вреда.

— Балда! — треснул по затылку лучника старшина проездной башни, на зачиненной куртке которого угадывалась вытертая вышивка — серебряное крыло. — Что зря стрелы тратишь? Не берут его стрелы.

— Откуда мне знать? — надул губы столь же оборванный юнец со впалыми от недоедания щеками. — На той неделе тоже вот так кружило что-то над городом, кружило, а потом стражнику башку снесло.

— А ты с толком глаза-то таращь, с толком, — прищурился, вглядываясь в небо, седой старшина. — У пустотной мерзости крылья кожистые, у этой перья, да еще и белые. И видок у них разный. У той твари пасть полна зубов или опять же клюв с зубами да лапы с когтями. А у этой вовсе ничего нет.

— Как это — вовсе ничего нет? — не понял лучник.

— Муть какая-то бултыхается, — скорчил недоуменную гримасу старшина. — Будто облако между крыльями клубится. Не разберешь. И стрелкой ты его не возьмешь. Сквозь себя он стрелки пропускает, да и не дело бездумно тетиву дергать. И не под твою охоту эта дичь. Ты вот это видел? — Старшина ударил кулаком по серебряной вышивке.

— Погодь! — оторопел лучник. — Так это оно самое?

— Говорят, что оно, — буркнул старшина, продолжая

вглядываться в небо. — Знак клана это, дурень. Сиун в небе плещется. С час уж как.

— Сиуна увидеть — к беде! — прошептал, побледнев, юнец.

— К беде? — зло усмехнулся старшина. — Куда бедо-вее-то? Пагуба уже на четвертый год захлестывает. Вроде и схлынула самая пакость, а все одно — небо пылает. Или гляделки запылились? Вот облака ветром растащит, на небо-то посмотри. Днем словно пламенем занимается, а ночью углями мерцает. Это что, по-твоему? Эх, накатило ведь на нашу долю... Мерзость вроде прорезиваться стала — мор начался. Мор приутих, мерзость вернулась. Улеглось все, тут как тут прочая незадача — уже и обычные люди стали приданной пакостью обращаться. Бродит, говорят, по селам какой-то колдун, отбирает для поганого воинства тех, кто покрепче, да *придывает*. Поверь мне, парень, пригодятся еще тебе стрелы.

— Помогали бы еще они, стрелы, — пробурчал под нос лучник, почесал пустой живот и посмотрел вниз. — Смотри-ка. А некоторым и Пагуба словно пьянка на выселках. Вчера только пятеро смельчаков прибыли, а сегодня так и вовсе один. Отчаянная голова! Может, это и есть тот самый колдун?

По узкой дороге, разрезающей заросшую бурьяном луговину на две неровные части, скакал закутанный в темное всадник. У него был крепкий конь, прикрытый спереди, с боков, сзади сыромятным доспехом. Поблескивала укрепленная на боку коня чудная пика с широким, словно черным лепестком наконечника и изогнутой серпом поперечиной. Что-то еще более диковинное висело на лошади с другой стороны. Всадник правил коня к проездной башне.

— Охотник это, — пробормотал старшина, приглядываясь к незнакомцу. — Давненько не появлялся в Намеше их брат. Смотри-ка! А ведь он в ранах. Нога перемотана, сидит криво. Интересно, чего это его сюда принесло? Спокойно у нас вроде пока?

— Да уж, — почесал затылок лучник, — спокойней не бывает. Разве только на кладбище.

— Ну ты ной, да не обделывайся, — проворчал старши-

на. — Против того же Хилана мы в полном порядке. У нас в самое жаркое время ни одна дрянь на улицы не прорвалась, только что ворота помяла. А в Хилане четверть города в развалинах была. А то и половина. К тому же говорят, что смотритель там снова объявился. Дробилку уже ладит на площади. Ведь и до нас эта пакость доберется!

— А правда, что охотники и против мерзости пустотной горазды, и против приделанных молодцы? — возбужденно зашептал лучник.

— Вот уж не знаю, — пробормотал старшина. — Охотник охотнику рознь. Когда Пагуба за полгода перевалила и первое послабление началось, многие брались мерзость с полей да из деревень выводить. Многие брались, да не многие сдюжили. Где они теперь — те охотники?

— А против сиуна он не оробеет? — прошептал лучник, и в это самое мгновение крылья захлопали над головой стрелка, заставили зажмуриться, едва не сбили юнца с ног.

— Ты сам не оробей, — раздраженно плюнул под ноги старшина, смахнул со лба выкативший пот и зашагал по лестнице вниз. — Один вояка другого стоит, только цены никто не дает. Ну что за наказание, Пустота мне в глотку?

Охотник, который неловко спешил возле проездной башни, услышав хлопанье крыльев, поднял голову. Беспокойство напоззло на его лицо тенью, стерло гримасу боли. Глаза загорелись зеленым огнем. Обветренные губы сжались в неровную линию.

— Кто такой? — послышался недовольный голос стражника из окошка над изборожденными страшными отметинами, словно огромная кошка точила о них стальные когти, воротами.

— Кай, — глухо произнес охотник. — Кай по прозвищу Весельчак. Нечисть бью по договору. Вот ярлык арува. Вот ярлык охотника. Печати на нем от урая Ака, урая Зены, урая Туварсы. Трех достаточно?

— Нет уже никаких арува, — огрызнулся стражник. — Есть люди, и есть приделанные. Есть тати, и есть пустотная мерзость. Ты из каких будешь?

— Из людей, — твердо сказал Кай.

— А вот это мы сейчас посмотрим, — засмеялся стражник. — Капюшон снимай!

Охотник сдвинул капюшон, провел по коротким, черным с проседью волосам ладонью, показывая, что ни рогов, ни еще какой пакости у него нет. Теперь, когда темная ткань вовсе не скрывала его лица, вряд ли, несмотря на сухие скулы, обветренную кожу и шрам в половину лба, можно было дать ему больше двадцати лет.

— А теперь штаны спускай, — захохотал стражник, — вдруг там у тебя хвост?

— Послушай, смельчак, — незнакомец холодно улыбнулся, — я охочусь на нечисть уже четвертый год. Видел ее столько, что пошли тебе Пустота десятую долю от моего удовольствия да еще хвост на смелую задницу, он бы у тебя не просыхал. Сейчас я покажу тебе цвет моей крови, а потом с удовольствием посмеюсь над твоими шутками вместе с ураем Намеши. Особенно когда вот эти ворота снова станут рвать когтями какая-нибудь тварь из Пустоты и он захочет призвать на помощь лучшего охотника. А пока смотри.

Вслед за сказанным охотник распустил шнуровку рукава, по локоть обнажил мускулистую руку и, вытащив из-за пояса нож, надрезал кожу ладони. По запястью, по тонкому серебряному браслету со знаками клана Рога, по предплечью к локтю побежали алые капли крови.

— Лошадь теперь, — недовольно буркнул за окошком стражник.

— Как скажешь, — равнодушно проговорил охотник, шагнул к лошади, сдвинул с крепкой черной шеи сыромятный доспех, приложил к коже животного ладонь и осторожно провел ножом вдоль нее. Рана на шее лошади разом набухла, и по рукаву охотника так же побежала алая полоска крови.

— По каким делам в город? — примиряюще проворчал стражник.

— В гости к знакомцу, — ответил охотник. — К хранителю библиотеки Намешских палат старику Пате. Приглашение у меня от него.

— Заходи, — коротко бросил стражник и тут же заорал кому-то, кто должен был крутить ворот.

В недрах башни загремела натягиваемая цепь, заскрипела невидимая решетка, заскрежетал тяжелый засов, и створки ворот пошли наружу.

— Не обидь, — пробурчал лысый калека-ветеран, придерживая воротину.

— Как водится, — бросил пару медяков в снятый шлем охотник и, прихрамывая, повел лошадь внутрь городской стены, зажимая рану на ее шее ладонью. Оставшийся на смотровой площадке стражник не мог разглядеть, что кровь, стекавшая по рукаву куртки охотника, капала из второй раны на его же руке. Из раны на шее лошади бежала черная кровь, но шипела и обращалась в пепел она уже в рукаве хозяина коня.

Охотник вошел в южную часть города через его западные ворота. Испокон веку Намеша состояла из двух крепостей. Обе они были окружены высокими стенами и этими же самыми стенами стискивали в каменный рукав речку Бешеную, чье бешенство угасало далеко в горах Западных Ребер. Пагуба, которая три года назад окрасила небо в багровый цвет и запустила в Текан орды мерзости, на первый взгляд не слишком изменила внешний облик столицы клана Крыла — клана Паттар, но народу на ее улицах убавила, и те горожане, что попадались охотнику, выглядели уставшими и как будто сонными. На углах хватало нищих, да и не нищие ходили скорее на последних. Против обыкновения чаще обычного мелькали женщины. Многие из них посматривали на незнакомца с надеждой, не скрывая готовности распахнуть ветхую одежду за мелкую монету или даже за кусок хлеба. Но охотник не ловил чужие взгляды, то и дело прикладываясь к фляжке, словно жажда не отпускала его, гость Намеши сам осматривал город, который, чем дальше от стен, тем больше являл приметы беды. И тут и там виднелись сгоревшие разрушенные здания, большая часть лавок была закрыта, переулки захламлены. Окна в домах перегораживали решетки из толстых прутьев, а то и скрепленный известью камень. Возле огромного, как будто нежилого дома намешского урая одинокий пекарь жарил на уличной печи пустые лепешки, наверное, пополам с травой. Рядом пара торговцев томила

на углях речную рыбу. Охотник даже не повернул головы в их сторону, его интересовали дома и крылатое создание, мечущееся под облаками. Часы на башне цеховой управы шли, но часовая стрелка подрагивала на месте, и в такт ее дерганью раздавался какой-то неприятный скрежет. Чугунный шар диаметром в два локтя, некогда ударявший по нужде в столь же огромный диск, лежал с оборванной цепью у ступеней оружейной. Город словно застыл в забвении.

Через узкий каменный мост и пару открытых и как будто заброшенных ворот охотник провел лошадь в северную часть города к холму, на котором находились некогда знаменитые на весь Текан Намешские палаты. Уже издали охотник вглядывался в них с тревогой, а когда под вновь заморосившим дождем достиг невысокой ограды, отпустил несколько неслышных ругательств. На намешском холме не сохранилось ни одного домика для школяров, да и стены самих палат были покрыты копотью.

Стражники, стоявшие на внутренних воротах, являть цвет крови незнакомца не заставили, но от своей доли мзды не отказались, хотя по виду были бы рады и хлебной лепешке. Впрочем, охотнику было не до них. На какое-то мгновение ему показалось, что в спину давит чужой взгляд, он замер, потом медленно обернулся и с минуту с закрытыми глазами ворочал головой. Но мимолетное ощущение пощекотало кожу и исчезло, и охотник снова обратился к стражникам, которые уже открывали ворота. Молодые намешцы в больших, не по росту, доспехах смотрели на незнакомца с любопытством, но не с восхищением, с которым он сталкивался в других местах. Зеленоглазого охотника по прозвищу Весельчак знали уже во многих городах Текана, а вот в Намеше в последний раз он был более трех лет назад и в другом одеянии, да и не в роли охотника, хотя уже тогда представлялся именем Кай.

Из будки привратника выбрался тот же самый согбенный старичок, который обитал там и прежде. Некогда крикливо разряженного юнца в посеченном испытаниями воине старик не узнал. Привратник приложил к провяленному уху ладонь, с трудом расслышал, что незнакомец хочет увидеть

хранителя библиотеки Пата, отчего-то рассыпался дребезжащим смешком и махнул рукой в сторону вершины холма:

— Там он. Где был, там и есть. Там. Все меняется, библиотеки уже нет, только Пата как просмоленный пень торчит из земли. Никто мне не верит, но, когда я сам был мальчишкой, он был точно таким же, как и теперь.

Ведущую к верхушке намешского холма аллею застилал все тот же мусор. Под ногами охотника шелестела пожухлая листва, хрустели кости и черепки. На полпути к хранилищу знаний охотник отпустил коня прогуляться по заросшему бурьяном двору. Мощное животное, на втором боку которого оказалось диковинное четырехствольное ружье, тут же направилось к полусухому фонтану. Все говорило о том, что охотник не слишком беспокоился за сохранность собственного оружия. Впрочем, на боку у него еще оставался висеть на первый взгляд простецкий меч.

Не торопясь, осматриваясь да поднимая время от времени голову, чтобы приглядеться к парящему над Намешей сиуну, охотник дошел до закопченного хранилища и постучал в низкую и ободранную дверь.

— Кто там? — послышался сухой раздраженный голос.

— Это Кай, господин Пата, — отозвался охотник. — Я прибыл по твоей просьбе. Я получил твое послание.

— Послание? — В голосе послышалось удивление. — А ну-ка, подай мне его в щель.

Охотник помедлил секунду, потом вытянул из поясной сумки полоску пергамента, просунул ее под дверь. С внутренней стороны ненадежной преграды послышалось кряхтенье, затем все тот же голос прочитал: «Киру Харти, именуемому также Луком, Луккаем, Каем и Весельчаком. Я жду тебя в Намеше. Поторопись. Хранитель библиотеки Намешских палат — Пата».

Чтение сменилось раздраженным хохотком, затем снова дополнилось кряхтеньем, после чего пергамент вернулся из-под двери.

— Это подделка, — произнесли с некоторым облегчением. — Не моя рука, нет моей печатки. К тому же я не знаю никакого Кира Харти, Лука, Луккая и Кая в том числе. А уж весельчаков не встречал года три. Ничем не могу помочь!

— Пата! — ударил кулаком в дверь охотник. — Ты должен меня принять. Три года назад я заплатил золотой за прохождение испытания. Если помнишь, я выбрал историю. Я хочу продолжить занятия.

— Тот самый Кай? — В голосе послышалось удивление. — Одетый как безмозглая туварсинская гадалка на ярмарке? Так ты не умер?

— Обошлось пока, — с нетерпением ответил охотник.

— Выходит, что труп, который торчал головой в печи в выделенном тебе домике, и в самом деле принадлежал вовсе не тебе? — не унимался старик.

— Мало есть чего-то такого под небом Салпы, в чем я был бы настолько убежден, — повысил голос охотник. — Мой труп при мне, и я бы даже заметил, что пока еще он не совсем труп.

— А ну-ка, — за дверью лязгнула задвижка, загремела цепочка, и створка приоткрылась на ладонь, показав охотнику почти забытое им лицо старика, седые усы и бородка которого по-прежнему торчали аккуратными пиками в разные стороны. — В самом деле. Кто бы мог подумать? Господин Кай. Хотя следует заметить, судя по твоему лицу, прошло не три года, а как бы не тринадцать или даже двадцать три. Впрочем, Пагуба не жалуется никому. Но это послание я и в самом деле не писал! Хотя дай-ка мне пергамент еще раз...

Пата выставил в щель сухие пальцы, схватил полоску и с минуту изучал ее при дневном свете. Затем побледнел и сунул лоскут обратно.

— Не может быть... Хотя это кое-что объясняет... Ладно... Следовало ожидать... Значит, обуяла жажда знаний? Что же, в старые времена некоторые из приговоренных к смерти преступников в качестве последнего желания выбирали обучение каллиграфии, а потом отгрызали себе пальцы и оставались, таким образом, живы. Иногда это единственный выход, запомни, приятель. Но ты-то должен иметь в виду, что теперь последние желания не исполняются. Или, — Пата выглянул наружу и бросил быстрый тревожный взгляд на небо, — все извещены, что каждое желание может оказаться последним. И все-таки лучше поздно, чем никогда, исключая те случаи, когда лучше никогда, чем когда-нибудь. Захо-

ди, милостью Пустоты, школяр. Да не медли, осень пришла, не выстуживай мою крепость.

Охотник наклонил голову и прошел внутрь.

Пожар не пощадил библиотеку и изнутри. Некогда украшенный изображением карты всей Салпы потолок был не просто закопчен. Штукатурка на сводах облупилась и рухнула. Теперь вместо искусной росписи взгляду представала только кладка. Исчезли и полки, которые тянулись по стенам, столы, скамьи. В оставшихся нишах сохранились какие-то кувшины, горшки, но ни свитков, ни книг охотник не разглядел. В углу виднелся убогий лежак, корзина с лохмотьями, тут и там стояло несколько табуретов и разохшихся кадучек. В печи, мерцая, истлевал обломок скамьи.

— Странно, — охотник остановился, озираясь, посреди хранилища, — я был уверен, что Намеша пострадала меньше других городов, но видел разрушения и за городской стеной, да и здесь...

— Это сделано самими горожанами, — захихикал Пата, одежда которого выглядела немногим лучше опекаемой им библиотеки. — И внутри городской стены почти все разрушения причинены тоже ими. Есть та Пагуба, которая насылается на нас Пустотой, и есть та, что всегда с нами. Она как зерно, спящее в сухой земле. Когда небо над Намешей окрасилось в черно-багровый цвет, не всем хватило выдержки. Кое-кто отправился в ближайшую лавку, чтобы запастись едой, кто-то побежал разбираться с опостылевшим соседом, а многие пришли вот сюда, чтобы сжечь книги, противные Пустоте. И вот как-то так вышло, что книги сгорели все. Без разбора.

— Печально. — Охотник не скрывал огорчения.

— Во всем есть и хорошие стороны, — не согласился старик, поправляя дрожащими пальцами усы и почему-то семеня по кругу, центром которого был охотник. — Ураю Намеши пришлось усмирять мародеров. Были убиты больше тысячи человек. Пострадала и стража. В тот день словно безумие овладело людьми. Я сам ничего не видел, забился в подвальчик палатной харчевни и просидел в холодном помещении, но в теплой компании окороков и колбас, почти

неделю. А город захлебывался кровью. Говорили, что ее пролилось столько, что Пустота решила не насыпать на нас своих слуг. А когда бунт был подавлен, урай передал власть сыну и умер от разрыва сердца.

— Он был человеком чести? — спросил охотник, поворачиваясь вслед за хранителем.

— Точно могу сказать только то, что сердце у него все-таки было, — ответил старик. — Впрочем, если не честь, то совесть тоже имеется у каждого. Правда, у многих она страдает глухотой и немотой. У меня, кстати, тоже. Но это от старости. Что ты хочешь узнать, Кай? Книг нет. Учеников в палатах нет. Твоего золотого нет. Нас всех уже давно нет. Или почти нет.

— Я не нуждаюсь в деньгах, — заметил охотник, вновь жадно отпивая из фляжки.

— Но в чем-то ты нуждаешься? — прищурился старик, остановившись.

— Там сиун, — вымолвил вместо ответа охотник. — Он кружит над городом. Чего он хочет?

— Меня, — дрогнув, пожал плечами старик.

— Зачем ты ему? — спросил охотник и медленно опустился на перевернутую вверх дном кадучку. Пата закрыл глаза, вздохнул и нащупал обгоревший табурет, чтобы сесть напротив.

— Ты бы спросил об этом у той, что приглашала тебя от моего имени в Намешу, — прошептал старик, не открывая глаз. — Или ее друзей. Впрочем, у нее нет друзей. Они все или служат ей, или думают, что удостоены дружбой. Они хотят убить меня. И сиун чувствует это. Готовится. Ждет. Всякий раз, когда они затевают это, им нужна моя смерть. Хотя еще ни разу она не помогла им.

— Смерть? — переспросил охотник. — Нужна твоя смерть? И кто это — они?

— Время пришло, — пробормотал старик. — Наверное, они считают, что время пришло. Опять время пришло. Когда же оно кончится, это проклятое время?

— Кто это — они? — повторил вопрос охотник

Старик не ответил. Он сидел неподвижно, как деревянный истукан, вырубленный без глаз.

— Месяц назад сиун клана Кессар настиг Хуш, — заметил охотник, не дождавшись ответа. — Я был в Хурнае. Кинун, урай клана, устроил празднество, ярмарку по поводу ослабления Пагубы. Хуш как раз вернулась в свой дом. Пустота ее знает, где знаменитая хурнайская гадалка пропадала три года. Конечно, Хурнай не пострадал так, как Хилан, но и там погибли многие. Но с полгода назад там стало тише, чем в других краях. Да и клан Кессар один из самых многочисленных. У них и теперь большая дружина. Когда гадалка вернулась и над ее стеной снова поднялся чудесный фонтан, в городе объявили праздник. А на следующий день взметнувшаяся струя воды вознесла над стеной тело старухи. Вознесла и заледенела, перемальвая ей кости огромной рукой. В пыль. Я видел. Сам едва не заледенел от ужаса. В тот самый день какой-то мальчишка и сунул мне послание от тебя, Пата.

— Это не моя рука, — повторил Пата и хихикнул. — И ледяная рука тоже не принадлежит мне. Нет. Я не писал тебе.

— Да и Харава советовал прийти к тебе, — добавил охотник. — Я уже говорил о нем. Помнишь?

— Это не моя рука! — повысил голос старик.

— А кто управлял рукой, что убила Хуш? — спросил охотник. — Тоже «они»?

— Когда-то она была красавицей, — пробормотал Пата. — Разве только Эшар могла сравниться с нею. Но красота Эшар была подобна красоте клинка. А красота Кессар напоминала нежный цветок.

— Мне кажется, что я сумел разглядеть ее красоту даже сквозь маску старости, — сказал охотник.

— Нет. — Старик, все еще не открывая глаз, покачал головой. — Ты видел красоту Хуш. Ты видел красоту несчастной Хуш. Красоту упивающейся своим несчастьем Хуш. Оплакивающей свою настоящую красоту. Хотя я готов согласиться, что каждый из нас достаивается той юдоли скорби, которая созвучна нашему существу. Поэтому Хуш просто не могла быть уродиной. Но Хуш — это не Кессар. Хуш только малая часть ее. Сердцевинка. Слеза великой Кессар. Пепел Кессар. Комочек пепла. Крупинка.

— А ты слеза великого Паттара? — спросил охотник. — Пепел великого Паттара?

Старик ответил не сразу. Несколько секунд он сидел неподвижно, затем скривил губы в горькой усмешке:

— Что ты можешь понимать в этом? В прошлый раз ты действительно сослался на то, что обратиться ко мне тебе посоветовал Хаштай или Харава. Я помню... Да, одно из этих имен носил Сакува. Может быть, даже оба эти имени принадлежали ему. У него было много имен. У каждого из нас было много имен, которые ничего не меняли. У тебя такие же глаза, как у Сакува. Но даже если ты его отпрыск, то ты не слезинка, ты мокрое место, оставшееся после ее падения.

— Моя мать Эшар, — твердо сказал охотник. — И если она тоже была слезинкой, то два мокрых места вполне могут сделать слезинкой и меня.

— Эшар? — удивился Пата и открыл глаза.

— Непохож? — напряженно ждал охотник.

— Наоборот, — удивленно засмеялся Пата. — Вот как. А ведь эта полоска пергамента написана ее рукой. Наконец-то все становится на свои места. Только теперь я понял, на кого ты показался мне похожим. Конечно, глаза у тебя Сакува, но все остальное — Эшар. Да, ты тоже напоминаешь клинок. Хотя вряд ли твоя мать, окрутив Сакува, была похожа на саму себя. Иначе твой отец и близко бы не подошел к ней. Когда-то они не ладили. Ох как не ладили. Да, я удивлен. Я очень удивлен. Я не был бы удивлен, если бы ты оказался сыном Киклы, вот уж кому было на роду написано соединиться с Сакува, но Эшар... Хотя если ты и прав, не обольщайся. Ты не сын Сакува и Эшар. Ты слепок двух крупинок пепла. Ты — ничто, парень. Твоя мать была всего лишь тенью самой себя.

— Я видел ее настоящий облик, — сказал охотник. — Перед ее уходом.

— Уходом куда? — поинтересовался Пата.

— Туда, — махнул рукой в сторону охотник. — Или туда, туда, туда. Не знаю. За границу Салпы.

— Так она улизнула? — прошептал Пата и вдруг расхохотался, затрясся, залился слезами. — Улизнула? Частью, слезинкой, но выкатилась прочь? Оставила записку, чтобы выманить тебя в Намешу, и улизнула? Так вот в чем дело. Вот почему Пагуба затянулась. Вот почему сиун Намеши не дает

мне выйти из этого горелого сарая! Они хотят закончить Пагубу насильно! Все из-за Эшар! Равновесие нарушилось!

— Из-за Эшар? — нахмурился охотник.

— Ты не понимаешь, — оскалился в гримасе старик и вдруг почти закричал: — Ты не понимаешь! Должно быть двенадцать! Две-над-цать! Асва, Хара, Агнис, Кикла, Неку, Хисса, Паркуи, Сакува, Кессар, Сурна, Эшар и я! И улизнуть никто не может. Но даже если бы имелся способ, он, этот хитрец, был бы уничтожен, раздавлен при пересечении границы! Никто не может вывернуться наизнанку! Но если бы кто и мог... Если бы кто-то был готов, то все равно... Пустота не допустит! Мы все должны оставаться внутри! Навсегда! Навеки! Пока она может сосать соки из Салпы... Хотя... Стой. Стой! Если она тебя оставила вместо себя, тогда равновесие нарушилось не так сильно. Не зря же она легла под Сакува, которого не любила. Но нарушилось. А если они не понимают? Пока не понимают. Ага. Они верят, что можно убить половину из нас и закончить Пагубу? Такое бывало, как же. И будут убивать по одному всех. Сначала Кессар, потом меня. Хотя Асва старше. Много старше. Но он хорошо спрятался. Очень хорошо. Так кое-кто еще старше, и что? А если Асва с ними? Мерзавцы... Сакува, твой папочка, не просто так научился дурить собственного сиуна. Вот как раз для таких случаев. И Хара, дрянь, вечно как-то улаживает свои дела. Поэтому буду убит я. Опять я. Как всегда, я. Старый, больной, уже давно забывший, что такое полет... Но ведь можно все и упростить? Если будешь убит ты, тогда им не придется искать слабое звено? Все встанет на свои места. Ведь ты не сможешь занять место на престоле? Там не твое место. И все откроется. Тогда всех оставят в покое. Ты сгинеешь в Пустоте, обратишься в то, из чего ты вышел, в тлен, а мы заживем так, как прежде. Заживем так, как прежде. В клетке, но в тепле и в уюте. И пусть они ищут беглянку. Ведь она ушла только слезинкой. Вся ее сила осталась здесь, на ее престоле. Поэтому надо просто убить тебя.

Старик ударил мгновенно. Только что он сидел, согнувшись, заострив плечи, и вдруг выпрямился, словно пружина самострела. Охотник перехватил его кисть с выставленным тонким ножом уже у груди. Смахнул ее в сторону, раздирая

собственную рубаху, и второй рукой отбил удар руки старика. Та, сжатыми в клюв пальцами, метила гостю в висок. Старческое тело отлетело в сторону. Только после этого охотник встал, растирая больную ногу.

— Убьешь меня? — прохрипел Пата, ошупывая ободранное лицо.

— Я не охочусь на безумных стариков, — с горечью покачал головой охотник. — Если я убиваю кого-нибудь, то лишь защищаясь. Конечно, если ты не одна из этих мерзостей, пришедших из-за границ Салпы. И еще. Я не насылаю ни на кого сиунов. Да и не владею ни одним из них. И я уже не тот мальчишка, что приходил к тебе три года назад, Пата. Ведь ты не Паттар? Ты всего лишь слезинка великого Паттара? А я вообще неизвестно кто, потому что мальчишка, который приходил к тебе, три года назад перестал быть. В тот самый миг, когда разглядел подлинное лицо своей матери. Теперь я другой.

— Это да, — прошептал, подтягивая колени к груди, Пата. — Ты другой. Тот Кай не смог бы отбить мой удар. И никто не смог бы. Только кто-то из двенадцати. Да и то... Чего ты хочешь? Зачем ты пришел?

— Я хочу все знать, — твердо сказал охотник. — Кто такие эти двенадцать? Почему их имена совпадают с именами кланов? О каком равновесии ты говоришь, если Хуш-Кессар уже нет? Кто такие — «они»? Почему твой собственный сиун грозит тебе гибелью? Правда ли, что сиуны — это надсмотрщики за вашей дюжиной от Пустоты? О каком престоле ты говоришь? Что такое здесь происходит, Пустота меня задери?!

— Задерет, — захихикал старик. — Дай ей волю, задерет. И не дашь воли, тоже задерет. Уходи. Уходи, парень. Уходи отсюда! Они уже близко, уходи!

Он начал хрипеть и биться головой о камень.

Охотник выпрямился, развернулся и пошел прочь. Выйдя на улицу, он прикрыл дверь, свистом подозвал коня и повел его к воротам. Когда до них оставалось три десятка шагов и стражники уже начали раздвигать створки, сзади послышался крик. Пата бежал за ним.

— Отправляйся в Кету, — кричал старик. — Найди Уппи. Это не может продолжаться бесконечно. Мне тут нечем ды-

шать! Мне уже давно нечем дышать! Пусть она посмотрит в твое сердце. Ведь зачем-то Эшар затеяла все это? Пусть Уппи расплетет все! Она всегда хорошо расплетала! Пусть!

— Зачем? — не понял охотник.

— Чтобы ты все понял, — остановился Пата, и тут сиун его ударил.

Он рухнул с неба подобно падающему на добычу орлу. Охотник ждал, что сиун расплющит старика, но вместо этого мгlistый пернатый распустил в стороны крылья и закутал жертву в сверкающую пелену.

— О мать моя, дочь Пустоты! — в ужас вымолвил один из стражников.

Крылья обняли старика туже, еще туже, обратились белоснежным коконом и вдруг растаяли. Пата, замерший в той позе, в которой его настиг сиун, был мертв. Охотник, которому мгновение назад почудилось, что это его обнимает сиун, его кости трещат, его дыхание прерывается, с ужасом выдохнул, расправил плечи, невольно раскинул руки, словно и сам собирался взлететь, но тут же схватился за рану на боку. Подул легкий ветерок, и старик рассыпался в прах, понесся над Намешскими палатами пылевым смерчем.

— Точно как Хуш, — пробормотал охотник и обернулся на стук копыт. По пустынной улице, которая была видна через приоткрытые ворота, промчались пять всадников в черных плащах. Охотник закрыл глаза, потом выдохнул, погладил фыркающего коня и повел его мимо оторопевших стражников. Посередине улицы он остановился и опустил на одно колено. На камнях мостовой что-то лежало. Охотник наклонился еще ниже. Подобно вылепленному крохотным малышом из сырого песка отпечатку пряжки отцовского ремня на камне отпечаталась крохотная фигурка. В квадратике с закругленными краями шириной в два пальца различался необычно отчетливый отпечаток солнца. Рядом виднелись пятна крови.

Охотник распустил ворот рубахи, сверкнул старым ожогом с точно таким же рисунком и вытащил из-за пазухи висевшую на кожаном шнурке глинку, которая и была причиной ожога. Рисунок был на одной из ее сторон. Охотник поднес глинку к крохотному отпечатку, потом перевернул

ее. На обратной стороне было изображено странное, неказистое, словно собранное из разномастных колонн здание, на плоской крыше которого выделялись двенадцать зубцов.

Вдоль мостовой пробежал порыв ветра, и странный отпечаток на камне развеялся пылью. Охотник убрал глинку, вытащил платок и тщательно собрал с камня капли крови.

— Что это были за всадники? — спросил он у выпучивших глаза стражников.

— Не знаю, — пролепетал самый бойкий из них, затем зевнул и начал тереть слипающиеся от недосыпа глаза. — Я думал, что это твои друзья, господин охотник. Один из них спросил, прошел ли к господину Пата господин Кай, я сказал, что прошел. После этого тот, который спрашивал, стал громко смеяться. Рыжий такой, и лицо конопатое. Веселый. Он сказал, что они подождут господина охотника у ворот. Я правда думал, что это твои друзья. А что стряслось с господином хранителем? Это к беде, господин охотник?

— Не знаю, — проговорил Кай и поднял голову, рассматривая наливающиеся чернотой тучи. — Но друзей у меня нет. Здесь — нет. И эти пятеро — не друзья мне.

Глава 1

КРИВЫЕ СОСНЫ

В былые времена окраинная Кета слыла захолустьем Текана. Еще большим захолустьем считался далекий Сакхар — город-крепость клана Смерти, но Сакхар и городом никто не числил, так он и оставался несочтенным, всего лишь направлением на запад, и только. О Сакхаре вспоминали, когда следовало отметить что-то далекое и бессмысленное, припугнуть таинственными воинами клана Хара — клана Смерти или послать кого-нибудь куда подальше, а Кета была вполне осязаемой, пусть и не близкой. Когда в предгорьях Западных Ребер еще стоял белостенный Харкис, Кета считалась проезжим городом на пути из Харкиса в Ламен и Ак, но, с тех пор как предпоследний иша повелел уничтожить и белый город, и весь клан Сакува, столица клана Кикла — клана Травы — Кета оказалась в глухом углу. Нет, оставалась еще и дорога на Ламен и Ак, имелся тракт к Намеше, можно было угадать в сухой степи по заброшенным оплотам и сигнальным вышкам и дорожку к Сакхару, но прямой путь к Парнсу и в Гиблые земли через пепелище Харкиса зарастал и затягивался с каждым годом. Недобрая слава ходила о горных лесах той стороны, и раньше она была непростой, после уничтожения Харкиса украсилась кровью и костями, а уж когда случилась Пагуба, так и вовсе обратилась погибелью и ужасом. Тем более что деревни, которые уцелели после расправы над Сакува, постепенно, не за год, не за два, но перебрались со всем своим хозяйством или ближе к Кете, или и вовсе к Ламену, а те, что остались, сгнули в первые же месяцы Пагубы без следа. И ладно бы заглохла только дорога к перевалу через Харкис, так и тракт между Намешей и Ке-

той пользовался дурной славой. Минуя последнее селение Кривые Сосны, он на пять сотен лиг углублялся в дремучие чащи, а уж там...

Когда-то острословы говорили, что иша правит всем Теканом, но в некоторые его части предпочитает не заглядывать. Одной из таких частей и были чащи между Кетой, руинами Харкиса и селом Кривые Сосны. С тех пор как спокойствие надолго покинуло многие дороги Текана, а некоторые из них вовсе заполонил ужас, купцы-смельчаки рисковали путешествовать между городами только с хорошей охраной, а кое-куда не совались даже и с нею. Как раз тракт между Намешей и Кетой все более и более сползал в разряд тех дорог, которых следовало избегать во всяком случае. Но на то они и торговцы, чтобы смешивать осторожность с безрассудством, а тонкий расчет — с надеждой на слепую удачу. На то они и купцы, чтобы грузить подводы, нанимать охрану и отправляться в дальний путь, поглядывая в алеющее небо, остерегаясь мертвых деревенок и глухих урочищ, но, думая прежде всего о торге, радоваться, что, четвертый год обходясь без иши, Текан не окунулся в кровь междоусобиц. Хотя почти каждый из них понимал, что не разум правителей городов и кланов следовало благодарить за это. Слишком велики были расстояния между городами, да и слишком проредились за три года народы, и конца этому прореживанию все не было и не было видно.

Если бы не богатства Кеты, теканские купцы предпочли бы вовсе забыть о ней. Но даже в это нелегкое время Текан не желал обходиться без самородного серебра, которым не могли похвастаться даже Гиблые земли, от золота, которое с трудом, но мыли кетские старатели в притоках Эрхи, а также от лучшего дерева, зерна, рыбы, тонкой шерсти и, что некоторые считали главным богатством клана Травы, горного ореха. Нигде больше не вызревал такой орех, как за Кетой. Каждый достигал размеров небольшого яблока, а разбить его можно было только молотком или еще чем потяжелее. Когда сборщик орехов вставал с колотушкой под кедром, на голову ему приходилось надевать котел, а не то могло и пришибить ненароком. Шутка ли, если средняя шишка достигала размеров головы быка? Зато уж какой аромат источал

орех, будучи поджаренным на сковороде? А какие лепешки выпекались из ореховой муки? А какое масло давилось из ореха на маслобойнях? В первый год Пагубы, когда не вызрели поля, когда были уничтожены многие деревни, когда дороги между городами превратились в смертельные ловушки, именно запасы ореха позволили избежать голодной смерти многим и многим в Текане. И даже это было не все, что привлекало купцов в Кету: из тонкой, очень дорогой шерсти кетских овец кетские же женщины ткали такие тонкие ткани, что модницы со всего Текана порой ломали голову, что предпочесть в качестве основы будущего наряда — кетскую шерсть или же туварсинский шелк? Надо ли говорить, что в каждое предзимье побеждала именно шерсть?

Кай решил отправиться в Кету кратчайшим путем, хотя, как стали говорить в последнее время в Текане, не тот путь короток, который короче, а тот, что путника не укорачивает. Редкий смельчак осмеливался двинуться от Кривых Сосен на запад, почти все купцы сворачивали на юг, к ламенскому тракту, где и деревенок было погуще, и кое-где даже сохранились оплоты, а уж от Ламена отправлялись вдоль течения светлой Эрхи к Кете. Но все еще находились и отчаянные головы, которые неделями могли ожидать в Кривых Соснах попутчиков и вольных охранников, чтобы большим обозом двинуться к Кете напрямик.

До села Кай добрался в три дня. Особых приключений в пути с ним не случилось. Дорога была ежена и переезжена, деревеньки на двух сотнях лиг большею частью разорены, так что даже и приделанных опасаться не приходилось. Хотя пришлось подстрелить пару мелких пустотников, которые пытались напасть на одинокого путника, пикируя с расщепленного молнией дуба, но уложить обоих удалось одним выстрелом. Крупная дробь посекала перепонки на их крыльях, и Кай даже не остановился, чтобы добить мерзость. Если и не сдохнут от ран, все одно голода не переживут. Перепонки на крыльях у пустотников не срастались.

Черный конь охотника, которого тот ласково обзывал Молодцом, без особого для себя ущерба мог преодолевать в день до полутора сотен лиг, но Кай старался не выделяться

даже тогда, когда его никто не видел. И там, где обычный всадник обходился переходом лиг в сорок, позволял себе не более полусотни.

Подъезжая к Кривым Соснам, охотник сделал крюк, направил лошадь на заросшую бурьяном кручину и, озирая село с высоты известкового холма, отметил, что шатров на караванной площади, не считая палаток и шалашей, стоит четыре штуки; деревянная, обмазанная глиной крепостенка, торчащая на деревенском пригорке, поднялась на пяток венцов, но пара домов, которыми заканчивалась улица, уходящая в близкую, не более лиги до первых деревьев, чашу, сожжена, и сожжена недавно — дым еще поднимался над пепелищами. Зато сразу четыре дома рубились на другой оконечности села, и сторожевые башни оказались на месте, и дозорные на них усердно крутили головами во все стороны, и на огородах копались женщины и дети. Но общей стены вокруг поселения так и не случилось. Да и помогла бы она от лихих тварей?

Кая заметили сразу. Он еще только тронул лошадь вперед, а у крайней вышки, некогда служившей сигнальной башней самого иши, образовалась кучка селян, в руках которых поблескивали пики, а из-за плеч торчали тулы со стрелами. Однако среди злых незнакомых лиц охотник, к собственному удовлетворению, узрел и одно знакомое. К нему Кай и обратился:

— Доброго здоровья, почтенный Харуна. Доброго здоровья, селяне. Год уж не бывал в ваших краях. Поменялись ли порядки? Может быть, плату ввели за проезд через Кривые Сосны? Или достаточно оставить пару монет в трактире?

Селяне угрюмо молчали. Пальцы, стискивающие древки пик, у некоторых из них побелели. Молчал и староста, к которому обращался Кай. Лоб старика бороздили глубокие морщины, седые брови торчали из-под слегка примятого шлема рваными клоками, на скулах ходили желваки. Кай окинул взглядом зачиненную на толстом животе старика кольчужку, отметил шипастую палицу на его плече, скользнул взглядом по остальным воякам. Луки пока что лежали на плечах, пики упирались древками в землю. Разве только до-

зорный на башне теребил лук в руках, но стрелу к тетиве пока не ладил.

— Может быть, я кого-то обидел в прошлый приезд? — Кай изобразил самую теплую улыбку из возможных. — Припомнить, правда, не могу, но мало ли? Хотя в трактире заплатил с избытком, нос никому не свернул, уехал на собственной лошади, чужого имущества не прихватил. Опять же подрядов на охрану не беру, сам порой монету плачу, если прибиваюсь к обозу. Ни в чем я вам не соперник.

Селяне молчали. Кай понимающе кивнул и принялся расшнуровывать рукав. В напряженной тишине он сдвинул его к локтю и ловко обновил рану на ладони. На коже заале-ла кровь. Кай опустил рукав, сунул руку в поясную сумку, выудил из нее сухую лепешку, протянул лошади. Та отказываться от угощения не стала.

— Лошадь резать не стану, — процедил сквозь зубы Кай. Теперь он уже не улыбался. — В Намеше вот только рассек ей кожу на шее. Приделанная скотина хлеб не ест, это все знают. Мне на ней еще ехать.

— Ладно, — недовольно буркнул староста, и тут же вся стража, кроме дозорного на башне, развернулась и двинулась в глубь села.

— Не обижайся, — продолжал бурчать староста, приноравливаясь к неспешному шагу прихрамывающего гостя. — Сам знаешь, времена какие.

— Знаю, — кивнул Кай, ведя лошадь под уздцы. — Только времена бывали и похуже, а кровь у дозорной башни твои стражники никого пускать не заставляли. Что стряслось-то?

— Нехороший человек прошел вчера через село, — пробормотал Харуна. — Не один, с крохотным отрядом. Четыре воина были с ним. Все в черных плащах, с закрытыми лицами, на черных лошадях. Вроде твоей. Старший ростом с тебя, но не так молод. Я бы ему лет тридцать пять дал, если бы в глаза не взглянул. Глаз у него желтый и стылый, старый глаз. И волос у него рыжий, что твой огонь. И еще он все время смеялся. Помнится, годика три назад, еще перед Пагубой, через село старшина тайной службы Хилана Данкуй проезжал. Так тот тоже все смеялся. Но не в голос, хотя воины при нем похожие были. Но этот другой. Когда пил вино в

трактире, сказал, что завтра прибудет его названный родич поганой крови, так тот выпьет вдвое больше. А когда бросал монету нищему на караванной площади, сказал, что тот его родич поганой крови вдвое больше бросит. И имя твое называл, парень.

— Какое именно? — спросил Кай.

— Да разные, — махнул рукой староста. — Поначалу Ки-ром пугал, а как смекнул, что не на слуху это имечко, Кая-Весельчака на язык выволок.

— Что ж, — задумался Кай. — Интересная история складывается. Хотя вряд ли он родич мне. Нет у меня родичей в этих краях. Ни кровных, ни названных. Конечно, если он не охотник. Бывает, что охотники друг друга братьями кличут.

— Нет, — замотал головой староста. — Не охотник он. Я охотника сразу вижу. Да и какие теперь охотники? Редкость. Убийца он. По какой бы надобности ни пошел в сторону Кеты, а все равно — убийца и колдун. Ты смотри, парень. Я хоть и отвадил пока от тебя самых злых, но его слова многих зацепили. И не только слова. Родич ты его или нет, но смотреть на тебя как на причастного будут. Он ведь натворил тут делов-то. Как из села уходить собрался, дозорного на башне убил. Ради куражу, не иначе. Уж не знаю, как сотворил дело поганое, да только махнул рукой, и тут же паренек за горло схватился да с вышки и сверзился, а как до земли долетел, то шею себе свернул.

— И что же вы отпустили этого рыжего? — стиснул зубы Кай. — И почему ты называешь его колдуном?

— А ты, выходит, интереса к колдунам так и не потерял? — понял староста. — Помню, как же, выпрашивал все. Нашел настоящих? Нет? Так гонись за этим, этот точно колдун. Он туда поскакал, — махнул рукой в сторону леса старик. — У парня-то нашего ожог на горле случился. Точно говорю, отпечаток на горле был, словно ладонь его стальная да раскаленная перехватила. Хотел я рыжего до леса прибить, да не получилось. У его охранников самострелы. Сначала лошадок мне попортили, потом пятерым ребятам ноги продырявили, верно, чтобы злее тебя встречали, а уж после, когда народец и под стрелы валить за мерзавцами был готов, этот рыжий в ладоши хлопнул, и два крайних дома разом

вспыхнули. Огненную стену поперек дороги образовали. Словно смерч пламенный пролетел. В тех домах все сгорели, даже и выпрыгнуть никто из пламени не успел. Восемь человек! Дети! А эти ведь ушли, понимаешь? Можно было бы огородами пламя обогнуть, да струхнули от колдовства мужички. Так что если бы тебя тут не знали да не помнили, Кай, да не мое слово, еще издали бы стрелами посекали. Но ты ходи, да оглядывайся. Народ-то не скоро остынет. Надолго к нам?

Староста остановился, высморкался, смахнул ненароком выкатившуюся на щеку слезу.

— Нет, — медленно проговорил охотник. — И так-то не собирался рассиживаться, а теперь и вовсе сегодня же дальше пойду.

— На Кету? — уточнил староста.

— На Кету, — кивнул Кай.

— Ой, смотри, парень, — сдвинул на затылок шлем Харуна, — хода теперь через лес нет. Уж не знаю, что с теми, кто пошел в ту сторону с месяц назад, но только с начала лета никто с той стороны не вышел. Так что теперь охотников по лесу гулять маловато. Даже большим отрядом. Купцы — и те никак не сговорятся между собой. А их и всего-то четыре рожи. У каждого вроде и охрана имеется, да еще лихих наемных на караванной ошивается человек десять, а смельчака, чтобы всех под свою руку взял, нет. Да и кто бы взял? Сейчас не то что на тракте, а и по округе лихо катит: и приделанные попадают, и твари из Пустоты нередки, да и всякий другой народец шалит.

— Однако рыжий этот через лес на Кету пошел? — уточнил Кай.

— На Кету, — кивнул староста. — Куда ж еще? Дорога-то на Кету через лес. На Ламен вон она, по краю чащи стелется. Точно на Кету. Только он ведь словно безумный. Странное у него что-то в глазах. Будто он вовсе страха не знает.

— Страх не страх, а опаска быть должна, — заметил Кай. — Вот с опаской я за ним и двинусь.

— Ну как знаешь, — плюнул Харуна и повернул к крепостенке.

Кай бывал в этом селе несколько раз во время Пагубы и несчетное количество раз до нее. Да, лица деревенских стражей казались незнакомыми, но много ли надо юнцам, чтобы превратиться в лихую годину в мужиков? Года два. Кажется, дай им еще годика по три, и с такой же скоростью, с какой мужали, вчерашние отроки станут ветеранами, стариками, а там и вовсе сойдут в могилу. С женщинами словно происходило именно это. Почти все они выстроились у плетней и вместе со смуглыми детьми без злобы, без радости на изможденных лицах рассматривали гостя. Глубокие морщины и нездоровый загар приключался от багрового неба. Даже дети казались маленькими стариками. С неделю уже над головой стояли тучи, то и дело начинался дождь, осень была не за горами, но с самого первого лета, с самого начала Пагубы, которая застигла Кая еще в Хурнае, небо припекало каждую травинку, каждый листок, каждую пядь кожи как поднятая над головой жаровня. Оттого и выходил на улицу народ, заматав лицо тряпками, либо пялил на лоб колпаки с широкими полями. Хотя надо было отметить, в последние месяцы языки пламени уже не покрывали красноватый небосвод сплошь. Отчего же прошлые Пагубы рассеивались через три месяца после начала? Ну в крайнем случае через полгода?

— Купец из Гиены, — кивнул Каю высокий здоровяк с аккуратно подстриженными седыми бородкой и усами. — Слышал я о тебе, зеленоглазый, только хорошее. Таркаши меня зовут. Ищу проводника и старшего охраны до Кеты. Возьмешься за хорошую плату?

— Нет, — ответил Кай.

Следующий купец, маленький, юркий, с острым носом и крохотными усиками, встретил его уже у караванной площади. Он, несмотря на годы, тоже поклонился Каю, одернул потертый намешский халат, крикнул, представился намешцем Усити и, поглаживая короткую с зальсынами шевелюру, предложил охотнику стать проводником до Кеты за десять монет серебра и кормежку от пуза.

— Нет, — прошел мимо него Кай.

На караванной площади царило уныние. Шатры явно стояли не первый день, многочисленные охранники выглядели заспанными увальнями, приказчики и возницы играли

в кости. При приближении охотника все они вставали на ноги и рассматривали незнакомца. Некоторые взгляды показались Каю недобрыми. Некоторые жгли спину. Он оставил лошадь у входа в трактир, снял с нее подсумки, оглянувшись, вымолвил громко:

— К лошади не подходить. Чужих не любит. Лягается и кусается. Особо настырных может и убить.

Ответом охотнику было молчание. Кай кивнул, словно услышал высказанное согласие, нашел взглядом нищего, притулившегося у ступеней, бросил ему два медяка, поднялся по лестнице и толкнул ногой дверь трактира.

Все те трактирщики, которых Кай перевидал без счета, были разного роста, разной масти, разных привычек, но ни один из них не мог похвастаться худобой. Ни один, кроме трактирщика из Кривых Сосен. Поначалу Кай, который после начала Пагубы застал село почти полностью разоренным и выжженным, решил, что все дело в бедности и нужде, но и через год, и через два, когда селяне начали обстраиваться и понемногу приходить в себя, сосненский трактирщик оставался худым. Зато теперь, кажется, у него появился новый служка: довольно юркий пузатый и светловолосый мужичок, который, судя по морщинам вокруг глаз, возрастом годился Каю в отцы.

— Добрый день славному заведению и его хозяину, — поклонился охотник трактирщику, окинул взглядом не слишком большой зал, в котором имелся единственный посетитель — рослый рукастый детина, одетый так, как одеваются вольные из-за Хапы, и поставил на стойку сумки. — Рад, что ты здравствуешь, приятель.

— Все как всегда? — хмуро поинтересовался трактирщик.

— Как всегда, — кивнул Кай. — Конечно, если не оскудела твоя кладовая. Уж больно деревенские худы.

— Так и я не толст, — ответил трактирщик. — А кладовую держу полной. Но дорого все. Хочешь дешево, иди к старосте, выторгуй у него припасов за медяки. А что мне заплатишь, так часть монет все равно ему перепадет.

— Понятно, — кивнул Кай. — Мытари как сорняки — не сажаешь, а они все одно растут. К старосте не пойду, монета

пока имеется. Собери мне десятка три черствых лепешек, два больших меха вина — один легкого, второй самого крепкого, соль, мед, копченое мясо, рыбу. Сколько влезет. Если вызрело что на огородах, не откажусь. Чеснок, лук будут в самый раз. Морковь возьму, если вымыта и высушена.

— Будет сделано, — буркнул трактирщик.

— Не злись, приятель, — понизил голос Кай. — Тот вчерашний гость мне не родич и не знакомец.

— А мне без разницы, — проворчал трактирщик.

— Тогда принеси ко всему блюдо с чем-нибудь посытнее да завари лесной ягоды с медом, — крикнул трактирщику в спину Кай.

Мужичок в фартуке явился с блюдом и кубком через минуту. Судя по запаху, трактирщик и в самом деле не бедствовал, еду готовил свежую, из хорошей баранины, разогревом не баловался. Да, ко всему привыкает человек, из-под любой тяжести выкарабкается, если есть минутка на передых. А ведь пару лет назад даже похлебка из солонины была в том же трактире лакомством.

Кай сел у окна, чтобы видеть лошадь, припавшую к поилке, и приготовился отдать должное угощению. Детина, который скучал за соседним столом, отодвинул ручишей кубок, поднялся, изогнул сросшиеся брови над переносицей и сел напротив охотника.

— Узнаешь? — с вызовом спросил он охотника, возвышаясь над ним на голову.

— Узнаю, — кивнул Кай. — Ты Такшан из Вольных земель. Возил невольников в Гиблые земли. Все торгуешь рабами?

— А ты все рожу кривишь? — прищурился работорговец. — Возьмешься провести две мои повозки через лес?

— Нет, — мотнул головой Кай.

— Ты же водил меня год назад до Хастерзы? — нахмурился Такшан.

— Нет, — не согласился Кай, уплетая баранину. — Не водил. Ты увязался за мной со своими подводами без моего согласия. И ни монеты ты мне не заплатил. А попытался бы, я все равно не взял бы.

— Однако когда за Парнсом на обоз напали палхи, отби-

вался ты от них вместе с моими охранниками, — заметил Такшан.

— Я отбивался, ты отбивался. — Кай пожал плечами. — Так получилось, что мы схватились с людоедами в одном месте. Я не служу проводником и охранником, Такшан. И не потому, что считаю твоё занятие мерзким, хотя и это есть, что скрывать. Я охотник, Такшан, а не сторож и не проводник.

— А ты знаешь, Весельчак, что по Текану ходят слухи, будто Пагуба началась из-за зеленоглазого мальчика-озорника? — прошипел купец, наклонившись вперед.

— Ты говорил мне то же самое год назад, — кивнул Кай. — И уже тогда я тебе ответил: хотела бы Пустота раздавить меня, давно бы раздавила. Я по оплотам не прятался и не прячусь. Значит, я ей неинтересен. Да и ярлыки у меня в порядке. Я теперь и правителям неинтересен. Отменил хурнайский урай давний приказ иши. Думаю, что за службу мою отменил. Хорошо я окрестности его города от погани очистил.

— Когда пойдешь? — скрипнул зубами купец.

— Как буду готов, — хлебнул горячего напитка охотник.

— Ладно.

Такшан отшвырнул в сторону скамью и, хлопнув дверью, вышел на крыльцо. Кай повернулся к службе, который замер у края стола:

— Как зовут?

— Шарни, — тут же отозвался мужичок.

— Что-то уж больно ты лицом похож на урая Кеты, — прищурился Кай. — Хотя я его издали видел. Ты не он?

— Точно нет, — хмыкнул служака.

— Тогда снимай фартук, Шарни, — вздохнул Кай. — Или ты думаешь, я не понял, что ты и есть четвертый купец из тех, что застряли в Кривых Соснах? Никогда не было службы у хозяина этого трактира. Всегда он сам справлялся. Зря ты старался. Не хожу я проводником. Понятно?

— Не совсем купец я, — сдвинул брови домиком Шарни. — Порученец кетского правителя. Однако над лесом до Кеты правитель мой не властен, а добраться до стен города клана Травы надо. Так что же мне делать?

— Что везешь? — спросил Кай.

— Две подводы, — присел напротив Шарни. — Лучший хиланский порох в горшках на одной подводе, но так-то, для прочих, вроде как масло. Воском горловины залиты. На другой — стволы для ружей. Из лучшей хиланской стали.

— Остались еще оружейники в Хилане? — поинтересовался Кай.

— А то как же, — расплылся в улыбке Шарни. — Пока не было зрителей, изгалялся каждый как мог, научились кое-чему. А в последние месяцы прямо на поток дело пошло.

— Научились, значит? — прищурился Кай. — А я вот слышал, что появился уже зритель в Хилане. Один пока, но за Пустотой не зажмет, расплодятся, как мухи в жаркий день. Дробилку вроде бы сколачивают у храма?

— Сколотили, да не пользуют пока, — вздохнул Шарни. — Но опаска есть, это точно. А ты думаешь, я просто так ружейные стволы в Кету волоку? Возьмет силу зритель, последние мастера из Хилана уйдут. Вот только доберутся ли они до Кеты? Как тут не позаботиться заранее о важном? А ведь есть теперь такие мастера, что в прошлые времена и не снились Текану. Или у тебя ружье не такой же работы? Фитиль поджигать не приходится?

— Хорошее у меня ружье, — кивнул Кай. — Мастера не знаю, через третьи руки заказывал, все-таки бояться умельцы, что прошлые времена вернуться, как Пагуба вовсе развеется, но слышал я, что есть уже кое-что и поинтереснее, чем четырехстволка с кремневыми поджигателями.

— Так и четырехстволка твоя тоже редкость, — закивал Шарни, — хотя дорогое ружье, очень дорогое. Но есть уже и еще кое-что. Вот, взгляни-ка. — Купец покопался под фартуком и выставил на стол бумажный, залитый воском, цилиндр с жестяным донцем.

— Что это? — не понял Кай.

— Заряд, — прищурился Шарни. — Внутри сразу тебе и порох, и пыж, и дробь. Можно и что-то посерьезнее дрови зарядить. Быстро заряжать, быстро стрелять. Как стволы пошли под один размер, так эта придумка в деле и означилась. Дорого, не спорю, но все невелика цена против жизни воина. Ты-то небось свою четырехстволку минут пять заправляешь, если не дольше? По старинке забиваешь? Сейчас ружья

по-другому ладят. Полтора года уж как. Или не слышал? Мастера в Хилане всегда были, да вот только Пагуба позволила им придумки свои до верстака довести. И есть среди них... Ну да ладно. Теперь уж объявились умельцы и в Кете, стволы вот берем в Хилане, а остальное сами ладим. По образцам, конечно. Еще до Пагубы кое-какие мастера в Кету ушли. Но вот этот заряд — особый случай. Поспособствуешь — подскажу, как твою стрелялку обновить. Есть чем тебя удивить.

— Да уж и пропала охота удивляться, — заметил Кай.

— Удивляться — не дивиться, баба — не девица, — подмигнул охотнику Шарни. — Однако что зря разговоры заочлачивать, когда мы еще не в Кете?

— О чем хоть речь затеваешь? — поинтересовался Кай.

— Некоторые секреты раньше времени выбалтывать — как чужим исподним махать, — прищурился Шарни. — И до позора не доберешься, как без головы останешься.

— Почему через Ламен не везешь товар? — спросил Кай.

— Не нужна кетскому ураю лишняя слава, — скорчил гримасу Шарни. — В Ламене стражники уж очень въедливые. Да и долог путь за Эрхой.

— Почему за Эрхой? — не понял Кай.

— Не все ладно по этому берегу, — вздохнул Шарни. — Да и спешить надо. Ждет мои подводки правитель Кеты, очень ждет.

— К усобице урай Кеты готовится? — опустошил кубок Кай.

— К защите от нее, — понизил голос Шарни. — По нынешним временам Кета лакомый кусочек. Золото, серебро, уже этого хватит, чтобы коситься на соседа. Но не только усобица во лбу свербит. Больно много пакости вокруг Кеты развелось. И не той, что от Пагубы происходит. Иной пакости, которая надолго захлестывает. Тати шалят, приделанные. Нехорошие слухи ходят, очень нехорошие. Ни одна кетская деревня без дозора ко сну не отходит. Да смотритель опять же этот хиланский не к добру. Хоть и не видел его еще никто, прячется он от пригляду, а все одно нехорошо. Трудно забыть, как и в Кете храмовые дробилки стучали. Никто этого не хочет.

— И Пагуба не пугает? — усмехнулся Кай.

— Пагуба страшна, когда ее ждешь, а когда она за четвертый год переваливается, — Шарни вздохнул, покосился на небо, словно мог разглядеть сквозь потолок трактира багровые сполохи, — тогда уж начинаешь сравнивать. Лучше уж Пагуба, чем эта балахонная мерзость.

— Прочие почему через Ламен не пошли? — поинтересовался Кай.

— Кто как, — пожал плечами толстяк. — Таркаши-здоровяк из Гиены кому-то должен в Ламене, так что, пока не обернется с товаром в Кету да барыш не получит, в Ламен не сунется. Усити свой расчет имеет, у него товар тонкий, за него дорожный сбор высокий. А Такшан себе на уме, не под мой ключик замок.

— Сколько охранников у тебя? — спросил Кай.

— У меня — восемь, — сплел пальцы Шарни. — За каждой головой могу ручаться. Хиланцы, из клана Паркуи, но служат верно.

— Почему не нанял стражников? — поинтересовался Кай. — Харуна сказал, что с десяток молодцов тут ошиваются?

— Ты бы посмотрел на них, — жалобно поднял брови Шарни. — По мне, так идти с такими охранниками через лес — это все равно что ножом в глазу ковырять. Они тут всем предлагали охрану, и недорого, да только никто не взялся. Говорили, что с полгода назад их старшина, которого Туззи кличут, подряжался вести из Кеты обоз с шерстяными тканями, так обоза того больше никто не видел. С тех пор и Туззи подряжается в охрану не до Кеты, а до первого дозора за пять лиг от нее. К тому же он и сам набирает кого ни попадя. Вот на днях только пригрел бабу какую-то, что с юга в село пришла. Это ж надо, бабе — да в такие времена в одиночку теканские тракты мерить? Хотя баба — огонь! Локон светлый, стан тонкий, лицо — эх, будь я помоложе... Туззи сначала посмеялся над ней, а потом, когда она одному из его мерзавцев спуску не дала, пристроил к своим. А еще до того узкоглазого да лысого какого-то взял, тоже, наверное, с юга. Кто они? Чего от них ждать? Да и будь этот Туззи хоть праведник, каких мало, что к моим старичкам десять его умельцев? Маловато для моего груза. Опасно теперь че-

рез этот лес идти. А с другой стороны, и многовато, пожалуй, против моих восьмерых ветеранов.

— Десятка умельцев, значит, маловато, — Кай отодвинул блюдо, — а одного охотника с перебитым ребром да вспоротой ногой достаточно?

— Да слух про тебя идет, Весельчак, — пожал плечами Шарни, пряча под рубахой заряд. — Вроде лезешь ты всегда в самое пекло, а все никак не заagneшься. Говорят, что даже Пустота не смогла тебя перемочь.

— Как же, — кивнул Кай, — хвастался муравей, что под сапог не попал. Прочие что везут? Сколько подвод?

— У Таркаши-гиенца три подводы, — заторопился Шарни. — Сыр везет. Лучший гиенский сыр. Много сыра! Он тут пяток кругов трактирщику продал, я пробовал, чуть было собственную руку до локтя не зажевал. Усити из Намеши разное везет. Остроносый по всему Текану катается, осторожный, как крыса, хитрый, как лиса. У него вроде бы и медная посуда, и ножи из Намеши, и ювелирка и стекло из Зены, и шелк из Туварсы, и кожа из Гиены. Просто лавка на трех подводах. Ну а у этого негодяя Такшана две повозки. Обе крытые. Рабынь он везет. Девчонок. Двадцать душ. Где только наловил их, судя по выговору — гиенские, но все с Вольных земель. И ведь на всех ярлыки сумел выправить! Харуна уже справлялся у него, знаю. Хотел отбить даже, но куда против урайского права? Хиланские ярлыки, честь по чести! Вроде как не рабыни, а наемные. Ну так нас не обманешь, наемных в цепях не держат, дурманом не потчуют. Своих, что ли, подгребает? Хороши молодки, как на подбор, только спят почти все время, точно под дурманом. Вот как кормит — не знаю, но одна девчонка вчера как ходила за лошадьми, так и упала без чувств. Вроде с голоду. А может, побитая сильно? Как только под копыта не попала.

— Да уж, не хочешь ступить в дерьмо — сиди дома, а нет дома, считай, что уже в дерьме, — пробормотал, прикрыв глаза, Кай, потом вздохнул, повернулся к трактирщику, который притащил набитые продуктами подсумки. — Так что ходи, не бойся. Сколько с меня?

— Пять монет серебра, — буркнул трактирщик. — Это если с благодарностью.

— Хорошо, — кивнул Кай, распуская шнуровку кошелька. — Хотя и очень взлетела цена с прошлого раза.

— Ну так и ты не бесплатно мерзость бьешь, Весельчак, — оскалил редкие зубы в улыбке трактирщик. — Я слышал, за крупную тварь по золотому, по два сшибаешь?

— Ты бы у Харуны спросил, много ли я с него взял, когда в прошлом году с крайних сосен выводок пустотников снял, — покачал головой Кай. — Или у меня сундук с золотом за спиной? А знаешь, почему мне иногда и в самом деле по золотому платят?

— Жадный ты, вот и платят, — буркнул трактирщик.

— Может, и жадный, — задумался Кай. — Только когда меня нанимают, до меня, как правило, голову складывают несколько человек из тех, кто подешевле берет. Да и я ни разу не был уверен, что всякую мерзость перемогу. Ладно. Ухожу я. Вот деньги. А ведь уведу я от тебя едоков, хозяин.

— А и уводи, — подобрал монеты со стола трактирщик. — Новые подгребут. Особенно этого Туззи с его головорезами уводи. Если бы не Харуна, они бы разорили меня давно. Не очень-то платить хотят. Особенно есть там у него один мерзавец — Таджези. Только и смотрит — что бы украсть. И баба одна с мечом ходит. Недавно появилась. Тьфу, убил бы, пакость какая.

— Ну бабы с мечами бывают разные, — заметил Кай в спину трактирщику и тут же стал подниматься, потому как с улицы донесся глухой удар и чей-то негодующий вопль.

— Ну так что? — с надеждой уставился на охотника Шарни.

— Ничего, — одернул куртку Кай. — Послушай, порученец кетского урая. Удивляться я не люблю, и нынешняя стрелялка меня устраивает, а вот о помощи попросить готов. Мало ли какой ветер по улицам Кеты гуляет? Дело у меня одно в твоём городе. Окажешь содействие при надобности?

— Отчего же не оказать? — просиял Шарни. — На плохое ты не подряжаешься, слышал, а в хорошем отчего не помочь?

— Я и в самом деле на плохое не подряжаюсь, — затянул ремень Кай. — Ну а проводником служить или охранником — не моя забота. Но в день делаю лиг по пятьдесят, хотя через лес медленнее выйдет, сберегаться надо. Ты в окошко-то посмотри. Твои соседи уже шатры свернули.

— Так я... — вытаращил глаза Шарни и ринулся прочь из трактира.

— Фартук забыл снять, — покачал головой Кай.

У входа в трактир собралась толпа. Кай быстрым взглядом пробежал по злым прищурам, мгновенно выцепил странные, словно вылепленные из воска лица охранников работорговца, каждый из которых помимо топора за поясом имел и кожаный хлыст, разглядел и наемных стражников, вооруженных и одетых кому как в голову взбредет. Один из них, худошавый, черноволосый ламенец, потирая руками грудь, сидел на земле и, шипя, изрыгал ругательства. Второй, коротко стриженный чернявый верзила, выше Кая на голову, постукивал по колену обнаженным мечом. Тут же стоял Харуна с десятком селян с копьями.

— Эй, зеленоглазый, — окликнул охотника высокий. — Меня зовут Туззи. Твой зверь лягнул моего парня. Едва не переломал Таджики ребра. Это неправильно. Смотри, сколько лошадей у коновязи, ни одна не лягается.

— А моя умнее прочих, — отозвался Кай, укрепляя на лошади подсумки. — Если увидит какую мерзость, лягнет обязательно. Ну а то, что ребра не проломила или нос не отгрызла, так это на первый случай, для острастки. Ты бы своего ублюдка не посылал больше чужие сумки ощупывать, а то так и вовсе шайку свою уполовинишь. Или он по собственному разумению к моей лошади подошел?

— Смелый? — оскалился в безумной усмешке и шагнул вперед Туззи.

— Обыкновенный, — ответил Кай.

— А ну-ка, — поднял руку Харуна, и тут же все его стражники выставили копья. — В моем селе кровь не проливать. Ни кучей, ни один на один.

— Ты бы, старик, это вчерашнему рыжему сказал, — прошипел Туззи, убрал меч в ножны, ухватил воющего Таджики за шиворот и потащил в сторону.

— Держи, Молодец, — сунул кусок лепешки в мягкие губы лошади Кай, отметив, что симпатии толпы были явно не на стороне пострадавшего от лошадиного копыта, но и в его сторону добрых взглядов не прибавилось.

— Ты бы... это... — почесал затылок Харуна, — уходил бы, что ли? А то ведь добром не кончится...

— Ухожу... — начал говорить Кай и вдруг что-то почувствовал — тень, быструю тень, которая сейчас, сию секунду, в это самое мгновение должна была пронзить ему левое ухо, выйти наружу у правого плеча и заставить упасть, захрипеть, теребя пальцами площадную пыль. Почувствовал и нагнулся.

Стрела почти облизала его затылок, дохнула смертельным ветерком. Миновала верткую цель, но иную цель все-таки отыскала — пронзила грудь нищего, который стоял у самых ступеней, верно предвкушая, на что потратит дарованные медяки.

— Вот ведь дурак, — сокрушенно скривился Харуна и заковылял, побежал вместе с сельскими стражниками к недалекой вышке.

Нищий умер почти мгновенно, даже хрип из его груди был короток. Кай оглянулся. Все, кто стоял у трактира, ринулись прочь, шатры будто ветром сдуло, лошади были запряжены в подводы, да и палатки перекочевали на подводы же. Кай кивнул и не слишком быстро, опираясь на здоровую ногу и сберегая бок, забрался в седло. В отдалении стражники Харуны стаскивали со сторожевой вышки стрелка. Подводы выстраивались в большой обоз. Впереди, запряженные парами мощных хиланских коней, встали повозки работорговца. Его охранники гарцевали на лошадях тут же. Знал Кай таких воинов, если уж и за Хапой не было им оседлой жизни, если перебрались обратно, да еще занялись постыдным ремеслом, значит, не имелось у них за душой ни стыда ни совести. Хотя знал он и другое: если кто-то за что-то готов заплатить, всегда найдется тот, кто будет готов это продать. Но не из-за стыда они тянули на лицо смертные маски, не из-за стыда. Неужели дурманом баловались заодно с рабынями?

Обоз ждал только команды. Вслед за подопечными Такшана Кай выделил добротные повозки Шарни, выдавшие передраги телеги Усити и крепкие, но годные скорее для горных троп узкие телеги Таркаши. Но охотника больше интересовали охранники. У Шарни их было восемь, все — седые ветераны, точно бывшие хиланские стражники. Тарка-

ши охраняли гиенцы с пиками, скорее всего вчерашние пастухи. Было их шестеро, да три возницы, да сам Таркаши, десять и выходило. А вот Усити вовсе обходился без конных. Сам сидел на последней подводе с крепким возницей, на остальных тоже их было по двое. Но кажется, кроме пик у них имелись и луки. Зато уж воины Туззи, которые не спеша занимали места в хвосте обоза, вооружены были кто во что горазд.

Кай разглядел и пики, и секиры, и короткие топоры, и кинжалы, и мечи, и палицы. Наверное, у некоторых имелось что-то и почудней, и все это вооружение каждый из воинов Туззи нес на себе самом, словно боялся, что выскочившая из-под ног лошадь оставит его перед схваткой с противником безоружным. Только двое, как показалось Каю, действительно напоминали серьезных бойцов — смуглый, наголо обритый худощавый южанин и широкоплечая светловолосая неулыбчивая кессарка в жилете с наклепанными на него бронзовыми дисками. К удовлетворению Кая, на ее милое лицо взглядов обращалось все-таки больше, чем на долгожданного проводника. Держалась она ближе к южанину, но ни в ней, ни в нем не чувствовалось ни крупницы страха. У обоих были мечи и короткие луки. Да, обоз выходил не маленьким, почти полсотни человек, да два десятка невидимых пока рабынь под прочным тентом повозок, да из общего числа обозных три десятка конных, да всего десять подвод...

Кай медленно тронул коня, на мгновение закрыл глаза и вдруг подумал о том, что за эти три года, которые прошли с того часа, когда над Хурнаем и над всем Теканом побагровело небо, не случилось ни одного дня, когда он мог бы куда-то не спешить, ни о чем не беспокоиться, ничего не бояться. Впрочем, боялся он всегда не за себя. И даже теперь, когда его близкие вроде бы находились в безопасности, он вдруг почувствовал если и не страх, то беспокойство за этих, в сущности, чужих ему людей, которые были готовы углубиться в опасный, глухой лес на долгие две недели ради каких-то неотложных дел. Были ли эти дела столь важны, чтобы рисковать из-за них жизнью? Странная, необъяснимая усталость вдруг схватила за сердце Кая, стиснула горло.

Три года пронеслись как один день. Как один серый, пропитанный кровью и болью день. Неужели, если бы не клочок пергамента, который сунул ему в руку чумазый подросток на портовой площади Хурная, он так бы и продолжал охотиться на нечисть? Так нет ей ни конца ни края. Давно надо было отринуть все срочные и не слишком срочные заботы, чтобы заняться только одним — разобраться наконец, что происходит с ним, вокруг него и что все-таки творится под небом Салпы. В Намешу-то уже опоздал. Не опоздать бы в Кету.

— Кай! — Харуна сидел на старой кобыле и тяжело дышал. — Вот уж не думал, что успею, а ты, я смотрю, не только не торопишься, но и спишь на ходу? Ой, боюсь, что с закрытыми глазами до Кеты ты доберешься не скоро.

— Через две недели буду на месте, — пообещал старосте охотник.

— Я это... — Харуна почесал бороду, — под замок молодца посадил, чтобы остыл немного. А там уж посмотрим, высесть его или на урайский суд вытащить. Нищий-то нищий и есть, случайно в него парень попал. Совсем он голову потерял. Два брата их осталось, прочие родные все вот в этих домах сгорели. А эти втемяшили себе в голову, что ты виновник их беды.

— И где же второй брат? — поинтересовался Кай.

— Да к Туззи этому прибился, — сплюнул староста. — Одиннадцатым. Хороший ведь парень, жалко, а либо погибнет, либо сам в людоеда превратится. Ты посмотри там, белобрысенький такой, только-только семнадцать отмерил, ну дурень же! Педаном его кличут. Как услышишь — Педан, так это он.

— Чего ты хочешь? — спросил Кай, посмотрев вперед, где скривившиеся от ветров и окраинного простора сосны прикрывали уходящую в лес дорогу.

— Ты это... — староста вздохнул, — сразу-то не убивай его, когда он попытается с тобой расправиться... Ну тресни его по башке, ногу сломай, но не убивай сразу-то? А?

Кай поднял глаза к небу. Тучи внезапно расползлись, и взгляду снова предстал красноватый небосвод, по которому сполохами пробегали языки пламени.

Глава 2 УЖАС ЧАЩИ

Чащи между Кетой, Намешей и руинами Харкиса ничем не напоминали Дикий лес, что раскинулся за струями Хапы и Блестянки. В них не осталось ощущения древнего, подспудного колдовства, которое когда-то было уничтожено, затем растворено в земле, но за века, вместе с древесными соками, поднялось в чудные кроны и наполнило воздух магией. Чащи Текана были просто чащами. Деревья поднимались высоко в небо, под ногами, копытами и колесами шуршала хвоя, окрестные заросли делал непроходимыми бурелом. Некогда широкую просеку, по которой теперь вилась дорога, затягивал молодой лес. Сигнальные башни иши, отмеряющие каждые пять лиг пути, от неухода покосились, а кое-где и вовсе упали. Бронзовые зеркала, передающие повеления правителя, пропали. Лес стоял глухой стеной, но все же оставался обычным лесом, и если путник не вглядывался в темноту чащи справа и слева от дороги, то вполне мог представить себя в каком-нибудь сосновом бору под Зеной. Одно отличие все же имелось: в чащах, через которые правил коня Кай и через которые за ним ползли подводы, царил тишина. Не было слышно ни щебета птиц, ни лая заигравшейся лисицы, ни писка мыши, ни зова оленя. Лес затаился. Не так, как затаился однажды Дикий лес, в котором Кай, которого тогда еще звали Лук, наблюдал страшную охоту гончих Пустоты. Нет, теканские чащи никого не боялись. Они сами были *страхом*. Или же, в отличие от древнего леса некуманза, слились с источником ужаса в одно целое.

Кай двигался не спеша, отмерял за день по полсотни лиг, делая привал в полдень, думая больше не о собственном коне, который не успевал даже утомиться, а о следующих за ним повозках. Всякий раз привал случался либо возле узкой речушки, либо озерца, и во всякий раз никто из обозных и близко не подходил к Каю. В первый же день он обернулся, нашел взглядом Такшана, который держался у первой подводы с невольницами, и, кивнув ему, произнес только одно:

— Двадцать — двадцать пять лиг до полудня, привал на

час-полтора, двадцать — двадцать пять лиг после полудня. Я остановился — все встали. Я тронулся — все тронулись. Оси всех телег должны быть смазаны, говорить вполголоса, а еще лучше не говорить, а слушать. На привалах половина народу отдыхает, вторая половина с оружием на изготовку смотрит в лес. Ночью то же самое. Горячее готовить вечером, с наступлением темноты костры гасить. Если что-то будет не так, пришпорю коня, и только вы меня и видели.

Такшан все понял без лишних объяснений. Не молчаливых воинов своих послал, сам отправился назад вдоль обоза, и сразу же прекратились выкрики, брань, да и тележные оси скрипеть стали меньше.

На второй вечер он прислал к Каю девчонку. Она была почти такого же роста, как и Весельчак, но юной, едва ли старше семнадцати лет. В руках у нее подрагивала миска с густой кашей. Кай, который только что обработал начинающие затягиваться раны и сменил тугие повязки, сидел, прислонившись к стволу двухсотлетней сосны, и собирался заснуть. Его черный конь обгладывал ветви дикой вишни неподалеку. Охотник окинул взглядом тонкую, даже худую незнакомку, не упустил ни войлочных бот, ни зачиненного льняного платья с закрытым горлом, рукавами до запястий и подолом до щиколоток, ни коротких, неровно остриженных черных волос. Шея у девчонки была длинной, отчего она казалась еще выше, но между шеей и волосами словно не было ничего — только два огромных глаза с синяками под ними от недоедания или от слез, да что-то изящное, настолько бледное, что казалось миражом, призраком. Чуть полноватые, покусанные губы, впалые щеки, тонкий нос, не слишком широкие скулы. Когда-то один крестьянин, которому пустотник раздробил плечо, умирая на руках у Кая, пожаловался тому, что все девчонки, с которыми он по молодости погуливал, были не слишком красивы, и жена у него была не слишком красива, и дочери, которых она ему нарожала за пятнадцать лет жизни, тоже не могли похвастать красотой, хотя любил он их такими, какими посылала их ему Пустота. И вот теперь, когда пришла пора умирать, когда уже давно были мертвы и жена, и все дочери, одного ему хотелось: чтобы хоть смерть явилась к нему не в виде какой-нибудь дере-

венской страшили, а в виде если не красивой, то хотя бы смазливой девчонки. Рабыня, которую прислал Такшан, годилась на роль смерти без оговорок. Она даже была бы смертью-красавицей, но именно смертью. Тут уж без сомнений.

— Чего хочешь? — спросил Кай.

— Такшан сказал, чтоб я отнесла тебе еды, — прошлепала она негромко, но твердо. И тени забитости не было в этом неясном существе. А ведь шла так, словно успела испробовать плетей, старалась, чтоб платье не касалось спины.

— Это все? — нахмурился Кай.

— Все, — кивнула она и после некоторого раздумья добавила: — И еще он сказал, что если ты захочешь...

— Обычно рабынями не разбрасываются, — заметил Кай.

— Я порченная, — вымолвила она чуть слышно.

— Больная? — не понял Кай.

— Порченная, — повторила девчонка, отвела в сторону миску, потянула ворот платья и показала Каю несколько сочащихся сукровицей ран — одну длинную, тонкую отметину от ключиц до начала припухлости девичьей груди и с десяток поменьше, но глубже.

— Чем это? — нахмурился Кай.

— Рукоятью вертела, — гордо расправила плечи девчонка. — Вот эту я, а вот эти Такшан, когда порчу заметил. Осерчал.

— Зачем? — не понял Кай. — Сама себя-то зачем?

— Плохой товар — долгий покупатель, — зашептала она. — Больше времени, чтобы убежать.

— Разве от Такшана убежишь? — прищурился Кай.

— Убежала уже один раз, — гордо выпрямилась девчонка. — Два месяца в бегах была!

— И куда бегала? — спросил охотник.

— На море хотела посмотреть!

Заносчиво сказала, глаз прищурила, следующего вопроса ждала.

— И посмотрела? — спросил так, как хотела.

— Посмотрела! — расплылась в улыбке. — Даже полежала на хурнайском песке.

— А потом-то как тебя угораздило?

— Хотела в Гиену уйти на зиму, поискать родных, но под Намешей опять же на Такшана и наткнулась. Недавно. Он, как оказалось, уже успел раз со своим грузом обернуться. Не повезло. Он к тому же ярлык на меня не выбросил, так и попала опять в клетку...

— Высек? — спросил Кай.

— Высек, — вздохнула девчонка. — А я тогда вертелом себя прижгла. А уж после и он... И вообще...

В глазах ее заблестели слезы.

— А если останется шрам? — скрипнул зубами Кай.

— Точно останется. — Она гордо улыбнулась.

— Каша-то хоть не порченная? — поинтересовался Кай.

— Каша хорошая. — Она вздохнула.

— Охранники что едят?

— Мясо, — поморщилась девчонка. — Сушеное мясо без хлеба. Запивают водой. Ужас!

— Вас чем кормят? — спросил Кай.

— Такой же кашей. — Она сглотнула слюну. — По две горсти три раза в день. Мне по одной горсти. Я порченная. К тому же беглая.

— Ты падала в голодный обморок в Кривых Соснах? — понял Кай.

Она не ответила. Поджала губы, попробовала сузить взгляд, но глаза все равно оставались большими.

— Ешь, — сказал Кай.

Она не сказала «нет», но взглядом, дрожью, пронзившей тонкое тело, дала понять, что за ней могут смотреть.

— Ешь, — приказал Кай. — Такшану скажешь, что на шрамы мне плевать, я и сам в шрамах, да вот хоть на лбу, а девок люблю толстых.

Не испугалась, даже смешинка мелькнула в глазах, но есть стала, забрасывая в рот комки каши и быстро облизывая пальцы. И даже руками делала это аккуратно.

— Съела, — прошептала чуть слышно.

— Иди, — разрешил Кай.

Она уже шагнула в сторону обоза, остановилась, посмотрела назад через плечо, произнесла чуть слышно:

— В лесу очень тихо. Неспроста.

— Почему так думаешь? — спросил Кай.

— У меня бабка была ведьмой, ведуньей, — стала с при-
свистом шептать девчонка, словно кто мог услышать ее сло-
ва. — А я в нее. Чувствую.

— Что же, правильная у тебя была бабка, — кивнул
Кай. — Иди уж.

Он был недоволен собой, потому что позволил себе посо-
чувствовать девчонке, хотя прекрасно знал, что сочувст-
вие — словно дыра в мешке. Кажется, через нее способно
протиснуться лишь зернышко, но не успеешь оглянуться,
как мешок становится пуст, и вот уже несет его ветром как
драную тряпку.

На следующий день вдруг опять накатила жажда, которая
не беспокоила Кая с Намеши, а вслед за нею стали попадать-
ся следы рыжего и его четверых спутников. Нет, Кай и до
этого различал отпечатки копыт, подкованных, что он замет-
тил сразу, ламенскими кузнецами, но именно на третий
день пути стали заметны проплешины, оставшиеся после
пожаров. Странными показались Каю эти пожары. То обо-
чина дороги, то сам тракт, то целые прогалки в лесу словно
были выжжены огненным вихрем. Да выжжены так, что
устланные пеплом пожарища соседствовали с нетронутыми
зарослями, на которых даже листья не успели подсохнуть и
свернуться — столь скоротечным был жар. В одном месте в
молодом сосняке оказался выжжен целый грот. Земля по-
чернела от огня, выгорела до песка, но молодые сосны, ко-
торые не только лишились части веток, но и стволов, сохра-
нили зелеными верхушки. Так и зависли, сцепившись вет-
вями с подружками.

Именно там Кай спешился, удовлетворенно кивнул, от-
метив, что и обоз мгновенно остановился, наклонился,
осторожно вошел в выгоревшую полость. В ее конце была
лежка зверя. Или засада, в которой тот хоронился. Когда
пламя ударило в его сторону, зверь подскочил, снес неско-
лько сосен, вырывая их из земли, развернулся, скovyрнул
еще пару деревьев, и понесся прочь. Длинной он был не менее
десять шагов, высотой с лошадь, а уж какой породы пус-
тотная пакость почтила здешние земли — оставалось только

догадываться. След был странным, казалось, что зверь опирался о землю не лапами, а огромными плоскими клешнями. И там, где он ступал, образовывались ямы. В каждую из них можно была спрятать голову человека. Кай даже приложил одну к другой две ладони, представил, как должна была выглядеть лапа чудовища, и с тревогой посмотрел вверх. С такими лапами неизвестная тварь должна была бы лазить по деревьям. Конечно, если бы нашлись в округе прутики, которые не смогут обхватить и двое рукастых мужиков. Впрочем, подобных деревьев хватало.

Когда Кай выбрался обратно на дорогу, там стояли Такшан, Усити, Туззи и белоголовый паренек с луком, который сверлил глазами охотника с ненавистью. «Педан», — понял Кай. Охотник окинул зрителей взглядом и прошел дальше по тропе. В трех десятках шагов в бурьяне лежали кости, обломки подвод, лоскуты ткани. Лежали, наверное, уже с месяц. Кости, которые успели побелеть, были свалены чуть в стороне, кучей. Они были раздроблены и, пожалуй, переварены.

— Вот и караван прошлый нашелся, — поежился Усити.

— Однако подпалил рыжий зверя, подпалил, — заметил Туззи, подмигивая Каю. — Теперь зверь еще злее будет. Или бежать бросится? Из-за него ведь тихо в лесу, из-за него?

Кай молча прошел мимо, залез в седло, обернулся:

— Если бы до Кеты паслось таких зверьков штук пять, по одному на каждую сотню лиг, я бы радовался.

— Почему? — крикнул ему вслед Туззи.

— Ядовитое дерево можно обойти, а вот ядовитый луг не перепрыгнешь, — отозвался Кай. — Легче пришибить одного огромного пса, чем отбиться от сотни мелких.

— Как ты собираешься пришибить этого пса? — заорал Туззи. — Да он перекусит тебя вместе с лошадью! Или ты думаешь, что у этого каравана охраны не было?

— Если хочешь попробовать пришибить его сам, можешь обогнать меня, — бросил через плечо Кай и двинулся дальше.

Теперь он посматривал не только по сторонам, но и вверх: слишком напоминали отпечатки на земле следы древолазов, что ковыляли в туварсинских джунглях от дерева к дереву, прежде чем повиснуть на плодовых ветвях вниз голо-

вой. Конечно, для такого гиганта и деревьев подходящих пока не попадалось, но готовым следовало быть ко всему. Кай по-прежнему надеялся на собственного коня, который позволял ему спать ночами, но рассчитывал всегда только на себя, а значит, крепкий сон ближайшей ночью Каю не грозил. Вечером к нему опять пришла девчонка, и он снова заставил ее съесть миску каши.

— Как ты попала в эту передрыгу? — спросил Кай.

— Все вольные в передрыге, — ответила она ему. — Многие поселки сожжены. С гор спускаются кусатара, их тысячи. И не только они. Лами с Восточных Ребер и даже малла словно озверели. Или ты не слышал?

— Слышал, — пожал плечами Кай. — Тати хотят очистить левый берег Хапы от людей. Подобное бывало и раньше, но всегда люди брали вверх. Подожди, закончится Пагуба, Текан поднимется, ураи соберут Большую Тулию и изберут нового правителя. А уж ему ничего не будет нужно, кроме маленькой победоносной войны. А еще лучше — большой войны. Кусатара снова спрячутся в своих крепостях, малла в своих дуплах, лами в своих норах.

— И долго мне ждать? — Она наклонила голову к плечу. — И дождусь ли я? А если я скажу тебе, что теперь все иначе? Что все тати объединяются для другого? Что они хотят вовсе уничтожить Текан? Воспользоваться тем, что Пагуба затянулась и проредила число людей как никогда? Многие вольные теперь возвращаются на правый берег Хапы, но не найдут покоя и там. А кое-кто осмеливается строить дома на окраине Дикого леса. Мой отец тоже собирался, да вот не успел.

— И твой поселок тоже уничтожили тати? — спросил Кай.

— Да. — Она судорожно вдохнула, словно вынырнула с глубины. — Странные тати. Словно одурманенные. Некоторые как будто напоминали неведомых чудищ. Было страшно. Многих, кого я знала, разорвали на части и сожрали у меня на глазах.

— Но ведь ты осталась жива? — заметил Кай. — Почему ты осталась жива? Если твой поселок сожжен, если тати хотят уничтожить людей, почему ты жива?

— Сама удивляюсь. — Она покачнулась, оперлась рукой о ствол орешника. — Странно. Второй раз ем досыта, и второй раз меня клонит в сон. Опять просплю до утра. А раньше не могла заснуть. Странно, что я жива. Я ведь многих тогда убила. Но потом меня ударили по голове. У них были такие узкие кожаные мешки с песком. Как чулки.

— Ты многих убила? — не сдержал улыбки Кай. — Наверное, раздавала щелчки малла? А потом тебе сохранили жизнь как самой шустрой? Или самой глазастой?

— Не знаю. — Девчонка пожала плечами. — Если бы ты видел, охотник, скольких перебили в нашем поселке. Оставляли только девчонок да юнцов, что покрепче. Я слышала, что их отправили в Гиблые земли. В шахты. И на рудники кусатара. Говорили, что и там и там — верная смерть. Тати нужно оружие, значит, нужна руда, металл. А девчонок отправляют куда-то под Кету. Будут делать их то ли воинами, то ли женами. Наверное, где-то не хватает жен. Такшан хватался спяну.

— Что собираешься делать? — спросил Кай.

— Все равно опять сбегу! — прошептала она. — Чуть позже!

— Позже? — не понял Кай.

— Мне надо в Кету, — почти беззвучно прошелестела девчонка. — Сама собиралась пойти туда следующей весной, а тут такая оказия. Так не проще ли добраться до нее в веселой компании?

— Ты это называешь «веселой компанией»? — удивился Кай. — А что в Кете забыла?

— Ты тоже мне все свои секреты расскажешь? — усмехнулась она.

— Послушай, — он с подозрением прищурился, — не могу избавиться от мысли, что где-то тебя уже видел. Лицо твое мне точно незнакомо, но когда говоришь или двигаешься... Ничего в голову не приходит?

— Приходит, — кивнула девчонка. — Знакомиться не умеешь. Туговато у тебя с фантазией, охотник. Мог бы и поинтереснее что-нибудь придумать.

— Сказала Такшану, что я заставил тебя съесть кашу? — с усмешкой поинтересовался Кай.

— Нет. — Она сжала губы в линию. — Он ведь чего-то хочет от тебя. А вдруг поверит твоим словам, да и в самом деле придет кого потолще? А я что? Буду с голоду подыхать?

— Как тебя зовут? — спросил Кай.

— Каттими, — гордо расправила худые плечи девчонка. — Я дочь кузнеца!

— Плохая примета, — вздохнул Кай. — Для меня плохая. Однажды... Ладно. Скажи-ка мне, тебе не показалось, что у твоего Такшана руки длинноваты? И брови уж больно черны?

— Он полукровка, — выпятила девчонка губу. — То ли бабка, то ли дед у него из кусатара. Ну так и руки у него длинноваты, но не до колен же? Он ведь и сам этого не скрывает. А то стали бы с ним разговаривать тати? Он же за героя себя числит! Мол, выкупает у тати людей. А то, думаешь, как ему хиланские ярлыки достаются?

— Понятно-понятно, — задумался Кай.

— Что за плохая примета? — Она все еще стояла в десяти шагах от него, зевала, прикрывая рот ладонью. — У нас в поселке встреча с кузнецом считалась удачей.

— Да так, — ответил Кай. — Однажды я встретил дочь кузнеца, и после этого моя жизнь перевернулась.

— Влюбился? — загорелись у нее глаза.

— Нет, — махнул рукой Кай. — Просто все совпало. С ней все в порядке, думаю, она даже счастлива. Моя жизнь перевернулась. Не из-за нее. Из-за меня. Ты что-то еще хотела спросить?

— Ага. — Она взъерошила короткие волосы. — Почему тебя кличут Весельчаком? Я еще ни разу не видела, чтобы ты улыбался.

— А вот так? — Кай старательно растянул рот.

— Да ну тебя, — надула губы Каттими, — я лучше пойду.

— Ладно, — проворчал Кай и добавил, когда девчонка обернулась: — Как-то я встретил одного путника, у которого была кличка Лохматый. Так вот он был лыс, что твоя коленка. Понимаешь?

— Так ты Весельчак, потому что никогда не смеешься? — поняла Каттими. — А почему ты не смеешься?

— Невесело мне, — процедил сквозь зубы охотник.

Холод накатило под утро. Кай мгновенно открыл глаза и секундой позже услышал предупреждающий храп лошади. Его конь стоял опустив голову, прижав уши, словно он был не лошастью, а огромным псом, и смотрел вперед, в сторону распадка, заполненного утренним туманом, в который дорога ныряла, словно в молочную реку. А ведь только вечером он набирал воду в текущем там ручье.

— Тихо, тихо, — прошелестел Кай, снимая с лошади сразу и ружье, и копьё. — Тихо, Молодец. Умник, коняшка, умник. Я тоже вижу. Густоват туман, густоват. Не все чисто с туманом. Только нам никак не нужно встречать его там. Там болотина, его нужно встретить здесь. Но он не пойдет сюда просто так. Ведь ты меня понимаешь?

Конь с сомнением фыркнул охотнику в щеку.

— Ну я же не всегда предлагаю тебе такой трюк? — усмехнулся Кай, с гримасой перетягивая повязку на груди. — Очень редко. И он пока что никогда нас не подводил. Ведь так? С меня лепешка, приятель.

Мягкие губы прихватили охотника за плечо.

— Только будь осторожен, — попросил коня Кай, вытащил из-за пояса нож, вновь надрезал многострадальную ладонь, промокнул в крови платок. — Очень осторожен, — повторил Кай и привязал платок к сбруе. — Он на кровь пойдет, точно тебе говорю.

Конь фыркнул и поскакал вниз по дороге. Не сводя с него взгляда, Кай перебежал на левую сторону тракта, остановился под раскидистой сосной, заставившей даже дорогу вилять у ее корней, сорвал с плеча моток веревки, перекинул ее через толстый сук высоко над головой, свободный конец закрепил на поясе. Между тем конь доскакал до молочного меса, окунул в него копыта, погрузился почти по брюхо и вдруг резко рванулся назад. Каю даже показалось, что он увидел взметнувшуюся над туманом лапу. Раза четыре ему приходилось отправлять верную лошадку выманивать из засады какую-нибудь мерзость, но никогда конь не рвался назад с такой скоростью. И вслед за ним из распадка не побежал зверь, а пополз сам туман. Он накатывал волной, так, будто сердобольная хозяйка подхватила в печи чугунок и выскочила с ним в зимнее морозное утро, и там чугунок по-

крылся паром, скрылся в пару. И вот уже хозяйки нет, но источник пара словно несется сам по себе и против ожидания окатывает не кипятком, а холодом.

Конь домчался до Кая за секунды, охотник зацепил за упряжь крюк, которым заканчивалась веревка, и ринулся вперед, чтобы присесть меж молодых сосенок, распушивших ветви у обочины тракта. Он разглядел в клубах тумана зверя, когда до него оставалось с пару десятков шагов. Тот не был слишком быстр, верно, думал, если вообще мог думать, что его добыча все равно никуда не денется. Да и запах не обманывал зверя: пахло людьми, лошадьми, кожей, тканями, сталью. Всем, что было столь лакомым и доступным, исключая разве что недавних злых всадников, которые обожгли ему морду, плечи и передние лапы. Всякий, разглядевший зверя издали, решил бы, что он видит медведя. Но медведя-уродца, потому как голова его была непомерно велика даже для медвежьего туловища, а лапы слишком длинные, и сам он был чересчур велик для медведя, и не бежал он, а скакал, потому как отталкивался от усыпанного хвоей тракта не подушками вооруженных страшными когтями клешней, а их оборотной стороной, он словно опирался о землю кулаками! Всякий, увидевший зверя вблизи, умер бы от ужаса, потому как тот был в два раза больше лошади, и на его обожженной морде горели бешеным пламенем вместо глаз огненные щели.

Кай передумал в мгновение. Выставлять против такой туши даже пятилоктевое копьё было равносильно попытке отогнать грозовую тучу, надувая щеки. И он выстрелил в зверя сразу из четырех стволов. Однажды ему приходилось стрелять сразу из двух. Тогда он чуть не вывихнул себе плечо. На этот раз Кай оказался более предусмотрителен: к прикладу ружья заведомо была прикреплена прошитая кожей войлочная подушка, да и куртка была усилена кожаными вставками как раз на груди, но все же удар оказался столь сильным, что он на мгновение потерял сознание. А когда пришел в себя, понял, что лишился и слуха. И все же вой зверя перешиб даже временную глухоту. К счастью, конь охотника не оплошал, в момент выстрела он рванулся прочь и в тот краткий миг, на который Кай обратился в безвольную куклу,

успел вздернуть хозяина на достаточную высоту, чтобы зверь проскочил под ним.

— Ну и тварь, — только и вымолвил Кай, с трудом взбираясь на толстый сук и глядя, как окровавленное, ослепленное чудовище ломает клыки о выпавшее из рук стрелка ружье, и почти сразу заорал что было силы: — Здесь я! Здесь! Сюда!

Зверь расслышал призыв мгновенно. Ружье отлетело в сторону, развороченная морда, на которой среди кусков плоти остались только зубы, обратилась вверх, и длинные лапы, нащупав ствол, тут же раскрылись клешнями древолаза. Они не просто вцеплялись в кору, они прокалывали, щепили саму древесину гиганта.

Кай встретил чудовище у основания сука. Загнал в глотку копые, подпрыгнул, уходя от удара когтистой лапы, уцепился за следующую ветвь, взобрался на нее, а потом уже сек и рубил ползущую за ним по стволу мерзость мечом, пока та, потеряв обе лапы и изрядную часть головы, не рухнула к основанию дерева грудой распадающейся в черную слизь плоти.

Когда Кай спустился на землю, его ноги дрожали. Сосны больше не было. Верхушка еще держалась, но на три десятка локтей ствол лишился половины сучьев и оказался выгрызен с некоторых сторон до сердцевины. Конь Кая, раздувая ноздри, ткнулся ему в плечо.

— Две лепешки, — хрипло выдохнул охотник и полез в поясную сумку за обещанным. — В этот раз мы обошлись без новых ран, хотя старые, похоже, открылись.

Молодец с удовольствием принял лакомство, а Кай, зажав нос платком, приблизился к поверженной туше и потянул за торчащее между огромных клыков древко. Извлеченное из пасти зверя копые было исковеркано — поперечина смята, лепесток наконечника прокушен. Вдобавок плоть чудовища оказалась ядовитее обычного. Сталь осыпалась на глазах. То же самое стало и с ружьем. От приклада не осталось ничего, стволы были смяты, замки сплющены.

— Говорят, что такая же туманная тварь скоблила когтями ворота Намеши, — хрипло заметил подошедший Так-

шан. — Ворвалась бы в город, вся намешская гвардия бы не справилась с нею. Но тут на дороге показался обоз беженцев, торопящихся в город, она и отвлеклась. Перекусила обозом и пошла на запад. Может быть, это она и есть?

— Может быть, — кивнул Кай.

— Ты, Весельчак, сделал бы честь любому войску, — с интересом пробормотал Такшан.

— Боюсь, что не любое войско сделало бы честь мне, — ответил Кай и бросил обломки ружья Шарни, который бледнее бледного трясся за спиной Такшана. — Держи, купец. На память. Похоже, придется выторговать у тебя другое ружье.

— Я — не купец, — поправил охотника Шарни и посмотрел на него с надеждой. — Ты не бросишь нас?

Кай смотал веревку, поднялся в седло, взглянул на обоз, готовый то ли продолжать путешествие, то ли разворачиваться вспять.

— Нет, конечно, а то ведь следующая тварь, вместо того чтобы перекусить обозом, пообедает мною. Кажется, в прошлый раз я погорячился насчет пяти таких зверьков. Да и еще одно дельце у меня к тебе появилось, Шарни.

— Какое? — прохрипел тот.

— Копья у меня больше нет, поможешь с хорошим оружейником?

— Это самое легкое, что ты мог у меня попросить! — с радостью отозвался толстяк.

— Вот и славно, — пробормотал под нос Кай и сдвинул брови, разглядев холодный огонь в глазах Такшана.

Птицы запели на пятый день пути. Но вечером четвертого дня Кай увидел, что след рыжего и его спутников покинул тракт. До узкой речушки, которая пересекала спустившийся в глубокий овраг тракт каменистым перекастом, следы коней были, после нее — нет. Кай спрыгнул с коня, скинул сапоги, вошел в холодную воду и прошел вниз по течению с сотню шагов. Когда вернулся, на дороге увидел Туззи, сидящего в седле.

— Рыжий по воде ушел? — понимающе ухмыльнулся верзила. — И ты за своим дружком?

— Нет, — покачал головой Кай.

ГЛОССАРИЙ

Агнис — именование клана Огня, место проживания которого город Ламен и его окрестности.

Арува — знать Текана.

Асва — именование клана Лошади, место проживания которого город Гиена и его окрестности.

Гима — крепость в горах, обиталище изгоев Текана.

Иша — правитель территории (вроде императора).

Ишка — жена иши.

Ишхамай — загадка Текана, «птичка», «колокольчик»

Кессар — именование клана Руки, обитающего в окрестностях города Хурнай.

Кикла — именование клана Травы, место проживания которого город Кета и его окрестности.

Крис — кинжал с асимметричным клинком и характерно расширяющейся пятой у рукояти.

Кусатара — жители горных склонов Южной Челюсти, их основные занятия — овцеводство, добыча полезных минералов.

Лами — жители гор Восточных Ребер.

Лапани — жители Холодных песков, занимающиеся кочевым скотоводством.

Лига — расстояние в тысячу шагов.

Ловчие иши — отборное войско, дружина.

Луззи — не-знать, чернь.

Малла — исконные жители Вольных земель, строящие жильё под корнями больших деревьев или в дуплах.

Мейкки — гигантские человекоподобные существа, обитающие в горах Северного Рога.

Мугаи — жители южных районов Гиблых земель, потомки беглых рабов и луззи.

Неку — именование клана Тьмы, обитавшего в городе Ак и его окрестностях.

Некуманза — название народов, населяющих Дикая лес.
Пагуба — губительство, мор, чума, падеж, беда, бедствие, злосчастье.

Палхи — исконные жители Гиблых земель, отличались ритуальным и бытовым людоедством.

Паркуи — именование клана Чистых, обитавшего в городе Хилане и его окрестностях.

Патгар — именование клана Крыла, обитавшего в городе Намеша и его окрестностях.

Пустота — сила, которая властвует над Салпой и карает ее обитателей.

Пустотник — порождение Пустоты, существо, умеющее летать.

Сакува — именование клана Зрячих, обитавшего в городе Харкисе и его окрестностях, также имя отца главного героя Луккая-Весельчака.

Салпа — название всего мира под солнцем.

Сиват — загадка Текана, «ночной бродяга», призрак.

Сиун — дух клана, загадочное существо, которое по поверьям приносит несчастье.

Струг — плоскодонное парусно-гребное судно для использования на реках и озерах.

Сурна — именование клана Рога, обитавшего в городе Турварсе и его окрестностях.

Тати — собирательное название разумных существ Салпы, не относящихся к людям.

Текан — земли, край, где правит иша.

Тулия — собрание ураев Текана.

Урай — правитель главного города области и глава клана.

Хара — именование клана Смерти, место проживания которого город Сакхар и его окрестности.

Хилан — столица Текана.

Хисса — именование клана Солнца, место проживания которого город Зена и его окрестности.

Эшар — именование клана Крови, обитавшего в городе Араи и его окрестностях, а также имя матери главного героя — Луккая-Весельчака.

Юдоль — 1) долина, лог (*стар.*), 2) место, где страдают и мучаются, а также вообще о жизни с ее заботами и печалью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Кривые Сосны</i>	21
<i>Глава 2. Ужас чащи</i>	41
<i>Глава 3. Тати и нелюди</i>	61
<i>Глава 4. Кета</i>	90
<i>Глава 5. Богатства Хумати</i>	110
<i>Глава 6. Уппи</i>	137
<i>Глава 7. Ружье</i>	158
<i>Глава 8. Часовщик</i>	177
<i>Глава 9. Двенадцать престолов</i>	193
<i>Глава 10. Ламен</i>	207
<i>Глава 11. Крылья в небе</i>	224
<i>Глава 12. Туварса</i>	242
<i>Глава 13. Логово и обиталище</i>	260
<i>Глава 14. Море Ватар</i>	277
<i>Глава 15. Хурнай</i>	296
<i>Глава 16. На север</i>	320
<i>Глава 17. Зена</i>	333
<i>Глава 18. Хилан</i>	349
<i>Глава 19. Хармахи</i>	369
<i>Глава 20. Аудиенция</i>	386
<i>Глава 21. Кровь Хилана</i>	402
<i>Глава 22. Вдвоем</i>	416
<i>Глава 23. Ранняя зима</i>	426
<i>Глава 24. Намеша</i>	437
<i>Глава 25. Гиена</i>	453
<i>Глава 26. Последний оплот</i>	464
<i>Глава 27. Парнс</i>	478
<i>Глава 28. Предпоследние жертвы</i>	492
<i>Глава 29. Паркуи</i>	506
<i>Глава 30. Хара</i>	515
<i>Эпilog</i>	527
<i>Глоссарий</i>	534